

К.М. СТАНЮКОВИЧ

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Константин Михайлович Станюкович

Женитьба Пинегина

OCR & SpellCheck: Zmiy (zmiy@inbox.ru), 9 ноября 2002 года
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=136915

*К.М.Станюкович. Избранные произведения. В 2-х т. Том 2:
Издательство «Художественной литературы»; Москва; 1988*

Содержание

I	4
II	10
III	19
IV	25
V	32
VI	41
VII	50
VIII	57
IX	69
X	79
XI	84
XII	90
XIII	99

Константин Михайлович Станюкович Женитьба Пинегина

I

Александр Иванович Пинегин, статный, высокий молодой человек лет тридцати, не торопился в это утро на службу. Погруженный в думы, он ходил взад и вперед по своей комнате в четвертом этаже большого дома, убранной по обычному шаблону меблированных комнат средней руки. Подбор книг в большом шкафу, два журнала на письменном столе и фотографии некоторых писателей свидетельствовали об известных литературных симпатиях молодого человека.

Он ходил быстрой, нервной походкой, как ходят сильно взволнованные люди, опустив на грудь голову, покрытую белокурыми, слегка волнистыми густыми волосами. По временам он останавливался у письменного стола и рассеянно отхлебывал из стакана чай или подходил к окну и напряженно всматривался в серую дождливую мглу мрачного осеннего петербургского утра.

Глядя на молодого человека, никак нельзя было предположить, что он – жених, накануне сделавший предложение и получивший порывистое, радостное согласие горячо любящей его девушки. Его красивое и неглупое, с тонкими и мягкими чертами лицо вовсе не походило на влюбленное счастливое лицо жениха. Напротив. Оно было подавлено, серьезно и хмуро. Большие карие глаза глядели сосредоточенно и мрачно и порой зажигались недобрым огоньком. Казалось, он переживал минуты какой-то внутренней борьбы и не о невесте думал он, а о чем-то другом, более важном и, по-видимому, очень неприятном.

– Ну, да... подлость! – проговорил он вслух, точно подводя итоги своим размышлениям.

Вчера, когда было сделано предложение, он словно не вполне сознавал всей низости своего поступка и, обрадованный перспективой будущего благополучия, как будто и искренно уверял эту некрасивую, простодушную на вид девушку, с большими ясными доверчивыми глазами, в своей привязанности. И она, обрадованная и влюбленная, поверила, как раньше верила, и в серьезность его возвышенных речей, нашедших отклик в ее горячем сердце...

Но сегодня, как только он проснулся, вся эта низость предстала перед ним во всей своей наготе... Он ведь украл любовь девушки, представляясь перед ней совсем не тем человеком, каким был... Он ведь лгал, уверяя в своей любви...

Какая любовь?!

Она ему нисколько не нравится, и если б не ее миллионы, стал бы он с ней разговаривать! Она некрасива почти до уродливости: черты грубые, резкие, толстый нос, выдавшиеся скулы, обличавшие инородческую кровь, большие руки, грубоватые и красные, сложена отвратительно, маленькая, неуклюжая, одним словом внешность непривлекательная... Одни только глаза, кроткие, вдумчивые, большие темные глаза хороши у нее. И этот доверчивый взгляд...

– И все-таки я сделаю эту подлость, – проговорил Пинегин.

Тон его дрогнувшего голоса звучал вызовом, точно он подбадривал себя, как дети, когда желают побороть страх.

Да, он ее сделает... Богатство – сила и независимость. Неужели отказаться от этого из-за того только, что не любишь эту девушку. И ради чего? Чтоб остаться по-прежнему пролетарием, сидеть за дурацким делом в канцелярии, в свободное время строчить рассказы и статейки, выработать жалкие сто рублей и вечно считаться с грошами, утешаясь, что ты, в некотором роде, носитель идей, до которых никому нет дела, втайне завидовать обеспеченным людям и разыгрывать благородного аскета, живущего не так, как другие?..

И какой он, по правде-то говоря, носитель идеи? Так себе, один из охвостья. Юн был... увлекался, наконец и мода была, а потом, когда кончил университет, так более ради рисовки и в пику пошлякам щеголял крайними взглядами и

болтал разный вздор о переустройстве мира. И за это терял места и пугал дураков. А в сущности-то до переустройства мира ведь ему мало дела, да и когда-то еще оно будет. А пока – жить хочется. Из-за чего же он должен прозябать в качестве бедного, но благородного человека принципа, не чувствуя в том ни малейшего удовольствия?.. Благодарю покорно! Нет... он не упустит редкого случая насладиться широко жизнью, хотя бы ценою подлости. Обманывать себя нечего. Подлость, которую никакими высшими соображениями не оправдаешь. Да и перед кем оправдываться? Все найдут, что он поступил умно, и позавидуют.

«Все ли?» – явился назойливый вопрос и вызвал краску на побледневшее лицо Пинегина.

Он вспомнил девушку, которая очень ему нравилась, эту милую умную и хорошенькую Ольгу Николаевну. Он был с нею дружен и часто виделся. И она, видимо, была расположена к нему. Как теперь он встретится с ней и что может сказать в свое оправдание? Не он ли так горячо порицал браки по расчету?.. Каким презрением загорятся ее глаза, когда она узнает, почему он женится?.. Нет, лучше не видеть этого взгляда и больше не ходить к ней. Миллионы тут недействительны. Пинегин должен был сознаться в этом.

Вспомнил он и небольшой кружок людей, которых считал безусловно хорошими людьми. Он бывал в этом кружке и гордился знакомством с ним тем более, что в нем были два-три известных писателя.

И все эти люди тоже отнесутся с негодованием к его поступку и отвернутся. Наверное, отвернутся от него. – И черт с ними! – раздраженно воскликнул он.

Он стал перебирать этих самых людей, отыскивая в них теперь слабости или дурные стороны и раздувая эти недостатки с злорадством человека, сделавшего подлость и утешающего себя, что и другие, слыvuщие за честных и добродетельных, тоже способны на подлость. Он мысленно разбирал каждого по косточкам, стараясь найти что-нибудь гадкое если не в фактах, то хотя бы в возможности. В самом деле, так ли они безупречны и не надувают ли себя и других?..

И, злобно настроенный, Пинегин старался уверить себя, что многие из этих самых людей поступили бы точно так, как он, представься только случай да еще в виде двух миллионов. А если бы и отказались, то из трусости перед мнением других и носились бы со своим подвигом, сожалея в душе, что не хватило смелости.

Эти мысли несколько успокоили Пинегина, и он вышел из дома, чтоб сообщить новость матери и полюбоваться впечатлением, которое эта новость произведет на родных.

– То-то обрадуются, что я исправился да еще так радикально! – промолвил Пинегин с презрительной усмешкой.

II

Он шел по улицам в возбужденном настроении, несколько растерянный от сознания, что он скоро – обладатель миллионов, не считая еще приисков, которые дают огромный доход, и большого дома в Петербурге, и улыбался при мысли, что он, у которого в кармане всего пять рублей, через месяц-другой может сыпать деньги пригоршнями. И все это несметное богатство будет в полном его распоряжении. Она вчера прямо сказала: «Бери все, все твое. Ты, честный и добрый, лучше меня сумеешь сделать богатство источником добра». Конечно, он кое-что даст на добрые дела, но не раздаст всего, как бы хотела эта бессребреница, его невеста, готовая отказаться от богатства. Этого он не допустит. Не для того он женится. Да и к чему послужила бы эта самоотверженная филантропия?.. Капля в море...

Он взглядывал на рысаков, на блестящие экипажи, останавливался у витрин магазинов, бросал взгляды на роскошные дома-дворцы и думал: «Все это будет и у меня», и ему было приятно чувствовать эту власть денег. Теперь все блага жизни к его услугам, и он воспользуется ими не как пошляк, а как развитой человек изящных вкусов, с высшими духовными потребностями. У него будет превосходная библиотека, хорошие картины. У него будут досуг и независимость... Тогда он напишет действительно превосходную вещь, а не

те скороспелые, непродуманные рассказы, которые писал он до сих пор ради денег. Разные неясные планы вихрем носились в голове Пинегина насчет будущей жизни. После свадьбы они тотчас же уедут за границу и пробудут там год по крайней мере, чтобы ознакомиться с лучшими местами Европы. Затем они поселятся в Петербурге в своем доме, уютном небольшом особняке, который он купит и сам отделает на английский манер. У него будет своя половина, где он может заниматься... На лето и осень они будут уезжать за границу... В этих планах не были забыты и добрые дела. Он улучшит положение рабочих на приисках жены, пошлет туда хорошего человека. Он даст в пользу голодающих... В первый момент Пинегин подумал о ста тысячах, но затем остановился на пятидесяти – довольно и этого. Он пожертвует литературному фонду двадцать пять, столько же в пользу высших женских курсов и ежегодно будет давать несколько стипендий студентам и курсисткам. Все-таки как будто совесть покойнее, когда что-нибудь уделишь из богатства. Психология трусости... Недаром люди, нагревшие руки, любят жертвовать и читать потом комплименты в печати... Человек награбил, бросил крохи, и его благодарят... Лестно!

Хорошенькая и стройная, изящно одетая дама, шедшая навстречу, обратила на себя внимание молодого человека и направила его мысли на будущую жену...

Он невольно сравнил ее и нахмурился...

«Ах, зачем она такая некрасивая!» – мысленно прогово-

рил он.

«Стерпится – слюбится. Она добрая, честная, образованная», – пробовал утешать себя Пинегин, но утешение выходило слабое. Неподкупаемый инстинкт протестовал, и миллионы, казалось, купались дорогою ценою. Придется лицемерить и лгать, скрывать брезгливое чувство, даря супружескими ласками эту некрасивую, желтолицую, с скуластым лицом, физически противную женщину, вдобавок влюбленную в него до безумия...

Но он решил поступать добросовестно. Он сумеет скрыть от этого доброго, доверчивого создания свою нелюбовь, будет с ней ласков и внимателен... Он не заставит ее раскаться, не разобьет ее жизни, хотя бы из благодарности... Пусть она останется в неведении...

Так рассуждал он, а инстинкт подсказывал, что свои вкусы к женской красоте он может удовлетворять на стороне. И глаза его заискрились при мысли, что при богатстве ему предстоит широкий простор для любовных походов. Жена ничего не будет знать. И, наконец, можно будет по временам уезжать за границу одному, на воды, что ли...

Пинегин остановился на Большой Морской у витрины ювелирного магазина и, разглядывая выставленные вещи, решил, что следует сделать невесте подарок, разумеется что-нибудь скромное: простенький браслет или кольцо – брильянтов у нее и так много. Недурно было бы и цветов принести. Она их так любит.

Но так как у будущего миллионера было всего пять рублей в кармане, то надо было достать денег. Теперь этот вопрос не удручал его, как прежде. Теперь он достанет сколько угодно. Дюфур не откажет!

И Пинегин отправился к Дюфуру, известному ростовщику, который жил поблизости. Этого Дюфура Пинегин знал давно, звал его в шутку «министром» и был должен ему триста рублей года два, довольно аккуратно уплачивая пять процентов в месяц.

Он поднялся во второй этаж и отворил матовые стеклянные двери. Раздался звонок, предупреждающий о посетителе. Высокий, здоровый лакей снял с Пинегина пальто и сказал, что придется немного подождать. Огромное зеркало в соседней небольшой приемной позволяло видеть сидевшего в глубине большой комнаты, лицом к дверям, за большим круглым столом Дюфура и спину одного из многочисленных его клиентов; Дюфур, в свою очередь, видел входившего.

Пинегин присел в маленькой приемной, где клиенты господина Дюфура могли в ожидании просматривать газеты и иллюстрированные журналы, разбросанные на столе. По счастью, в приемной больше никого не было, и ждать пришлось недолго. Минут через пять из залы вышел военный генерал, сопровождаемый низеньким кругленьким румяным пожилым господином с самым добродушным лицом.

– Чем могу служить вам, Александр Иванович? – проговорил с легким иностранным акцентом господин Дюфур, при-

ветливо и ласково улыбаясь своему исправному плательщику процентов. – Давно не имел удовольствия вас видеть, – продолжал господин Дюфур, пожимая Пинегину руку и пропуская его в большую комнату.

Они присели за круглый стол, на котором лежали знакомые Пинегину толстые небольшие книги с именами клиентов и отметками сроков и платежей, два перечеркнутых векселя, несколько чистых бланков и небольшая пачка денег, вероятно только что полученных...

– Я к вам, Адольф Адольфович, с просьбой. Мне нужно денег, – проговорил Пинегин веселым, уверенным тоном, совсем не таким, каким говорил, бывало, прежде, обращаясь к Дюфуру за сотней рублей.

Лицо Дюфура тотчас же сделалось необыкновенно серьезным. Он поджал губы и мягким, почти нежным голосом ответил:

– Мне очень жаль, но в настоящее время я не могу исполнить вашего желания, Александр Иванович. Все деньги розданы, а получают очень трудно.

Пинегин хорошо знал эту манеру отказывать с первого раза, особенно клиентам, кредитоспособность которых, в глазах Дюфура, не велика, но Пинегин нисколько не смутился и продолжал:

– Мне не сейчас. Сейчас я у вас попрошу пустяки: рублей двести, триста, а на днях мне нужно тысяч пять, десять, сколько можете дать, на самый короткий срок.

Пинегин выговорил эти цифры с такой небрежностью, что благообразный, чистенький и необыкновенно вежливый швейцарец, спокойное лицо которого, казалось, ничему не удивлялось, на этот раз с удивлением взглянул на молодого человека.

– Не удивляйтесь, Адольф Адольфович, – произнес со смехом молодой человек. – Я женюсь и... беру за женой два миллиона и прииски...

– Два миллиона? Вы не шутите? – взволнованно воскликнул Дюфур.

– Какие шутки!

Гладко выбритое безусое лицо швейцарца отразило торжественное изумление. Цифра эта произвела чарующий эффект. Он поднялся с кресла, с чувством пожал руку своего клиента и торжественно поздравил с таким счастливым событием.

Затем он сел и в каком-то благоговейном раздумье прошептал:

– Два миллиона большие деньги...

И после паузы спросил:

– А дело это верное? Не расстроится?

– Будьте покойны, Адольф Адольфович. Я не дурак, чтоб лишиться двух миллионов... Дело верное.

Кругленький и румяный швейцарец с невольным уважением взглянул на молодого человека, представившего такой веский довод и сумевшего отыскать жену с двумя миллио-

нами. Хотя он и верил словам Пинегина, тем не менее «позволил себе» спросить, если это не секрет, фамилию невесты.

– Коновалова, Раиса Андреевна.

Оказалось, что господин Дюфур, знавший весь Петербург, слышал про эту девушку.

– Огромное состояние у вашей невесты, Александр Иванович, и, кажется, в полном ее распоряжении... Папенька ихний год тому назад умер.

– И маменька тоже умерла, – добавил Пинегин.

– Без мужчины как-то и страшно девушке с таким богатством, – сентенциозно промолвил господин Дюфур. – Ваша невеста, если не ошибаюсь, живет в своем доме, в Караванной? Славный домик! – прибавил Адольф Адольфович.

– Совершенно верно, в Караванной, номер четырнадцатый.

– Да, да... Господь награждает добрых людей... Я весьма рад счастливой перемене в вашей судьбе и всегда уважал вас: вы так аккуратно вносили проценты, а это такая редкость... Не смею не исполнить вашего желания и отдам вам триста рублей, приготовленные для другого лица... Вам – экстреннее... Такой случай.

С этими словами господин Дюфур, не спеша, выбрал из пачки вексельных бланков бланк «от 500 до 600» и подал его Пинегину, придвинув чернильницу и перо. Пинегин подписал бланк без проставленного текста, предоставив это сделать самому Дюфуру, зная, что Дюфур, соблюдая свою чест-

ность – честность ростовщика, никогда не злоупотребит доверием.

Посмотрев на подпись, Адольф Адольфович с обычной своей аккуратностью отметил карандашом на уголке векселя цифру 300, что значило, что в тексте будет поставлено 600 (он брал двойные векселя, но при расчетах получал что следует), затем записал по-французски выдачу в одну из своих книг и только тогда встал и отпер большой железный шкаф, где хранились деньги и документы. Вынув оттуда две сотенные и пачку мелких бумажек, он подал их Пинегину и проговорил:

– Двести восемьдесят четыре рубля... Рубль за бланк. Будьте любезны, сосчитайте.

Пинегин сосчитал и, пряча деньги в бумажник, спросил:
– А когда прикажете, Адольф Адольфович, прийти за той суммой?.. Я уверен, вы не откажете?.. Предстоят большие расходы: подарки невесте, надо сшить себе платье, белье... А у невесты брат неловко, вы понимаете?

– Еще бы... Как можно! Надо подождать до свадьбы! – с благородным жаром согласился и господин Дюфур. – Отказать вам не могу... Ведь вы не на пустяки берете... Дня через два-три пожалуйста... Я постараюсь приготовить пять тысяч.

Пинегин стал прощаться и, довольный, благодарил Дюфура.

– О, помилуйте... я всегда готов помочь хорошему человеку! – патетически проговорил Дюфур и, провожая Пине-

гина до передней, еще раз выразил свое сочувствие, что капитал попадет в хорошие руки, и кстати осведомился: «Скоро ли будет свадьба?»

– Не позже как через месяц.

– Это очень хорошо, что скоро, – одобрительно заметил со своей приветливой улыбкой швейцарец. – К чему откладывать в долгий ящик доброе дело... Так, следовательно, деньги вам на месяц или полтора?

– На месяц, Адольф Адольфович...

Пинегин сунул рубль лакею, весело опустился с лестницы и, кликнув извозчика, велел ехать в Измайловский полк, где жила его мать, вдова действительного статского советника, Олимпиада Васильевна Пинегина, с двумя младшими сыновьями и дочерью.

А мосье Дюфур приказывал своему лакею, жившему у него пятнадцать лет, вечером сходить в дом Коноваловой и осторожно узнать: правда ли, что Коновалова выходит за Пинегина.

III

Олимпиада Васильевна, высокая, худощавая и, несмотря на свои шестьдесят пять лет, бодрая и живая старушка с зоркими и пытливыми умными глазами резко очерченным острым подбородком и длинным, внушительным носом с бородавкой, – носом, который она по своей любознательности, любила всюду совать с умелой, впрочем, осторожностью, – эта почтенная дама, известная среди многочисленных родственников под кличкой «тети-дипломатки», окончила свои обычные утренние дела лишь к двенадцатому часу.

Дел было немало для такой неутомимой хозяйки, как Олимпиада Васильевна.

Вставши с неизменной аккуратностью в восемь часов утра и облачившись в вытертый старый фланелевый капот, простоволосая, с седоватыми жидкими прядками, наскоро причесанными, довольно непривлекательная и совсем не похожая на ту приодетую «генеральшу» с чепцом, какую являлась к завтраку, Олимпиада Васильевна напилась одна кофе, пока дети спали, и затем вся отдалась хозяйственным заботам и приведению своей небольшой квартиры в тот идеальный порядок, которым она по справедливости могла гордиться и поддержанию которого отдавала всю свою душу. Как всегда, она волновалась и суежилась все утро, донимая прислугу ядовитыми словами.

Толстой кухарке, при осмотре провизии, Олимпиада Васильевна подпустила несколько шпилек по поводу веса говядины и, понюхав рыбу, велела ее переменить.

– Или у вас насморк, или вас, милая, совсем обманули... Понюхайте-ка судачка! – говорила она язвительным тоном.

Она шла затем в комнаты, заглядывала во все углы и зудила горничную:

– Разве, Дуня, так пыль вытирают? Ах, какая вы рассеянная, голубушка! Опять влюбились, видно?

И, проведя своим длинным костлявым пальцем по столу или внутри какой-нибудь вазочки в гостиной, она подносила весь в пыли палец почти к самому носу горничной, наслаждаясь ее смущением. И нередко, вооружившись пуховкой, сама обметала сокровенные уголки.

Она затем поливала и мыла цветы, чистила клетки, в которых заливались канарейки, и, когда уборка была окончена, обошла все комнаты и с особенным чувством удовлетворения постояла минуту-другую в гостиной, любуясь этой комнатой с большим ковром, полной мебели, цветов и разных безделок и убранной с большой претензией на подражание обстановкам богатых домов. Каждое кресло, каждая вещица, каждый столик были для Олимпиады Васильевны предметами восторженного культа. В них она чувствовала приличие своего благополучия, чувствовала, что живет, как живут люди, и может принять кого угодно, не смущаясь.

Передвинув чуть-чуть кресло, обитое шелком, и поправив

кружевной абажур на лампе, Олимпиада Васильевна, окончательно убежденная, что все в полном порядке, все хорошо и вполне прилично, удалилась, наконец в свою спальню и занялась туалетом. Через несколько минут она преобразилась в приличную и благообразную генеральшу в черном платье, с накинутой мантилией, в чепце, прикрывшем ее жидкие волосы, и, в ожидании завтрака, присела в кресло и принялась за газету.

В газете Олимпиада Васильевна более всего любила читать описание разных празднеств, встреч и торжественных балов, на которых присутствовали высокопоставленные лица. Подобные описания – особенно подробные – приводили почтенную старушку в восторг, и она потом пересказывала о разных блестящих туалетах и перечисляла разные громкие имена с увлечением, точно о чем-то необыкновенно ей близком, хотя сама никогда на таких балах не бывала и высокопоставленных лиц не знала и происходила из очень скромной чиновничьей среды. Тем не менее все, относящееся до таких лиц, ее очень интересовало и даже волновало. Она даже и фамилии их прочитывала не так, как имена простых смертных. Читая иногда вслух о каком-нибудь торжестве, Олимпиада Васильевна, с особенной интонацией, полной восторженной приподнятости, подобной той, какая бывает у плохих актеров, декламирующих стихи, произносила фамилию какого-нибудь генерал-адъютанта князя Скопина-Шуйского, и тон ее мгновенно падал, делаясь, так сказать, самым проза-

ическим, когда она прочитывала чин и фамилию какого-нибудь статского советника Иванова. Он словно бы оскорблял ее эстетическое чувство своей ординарной фамилией и возбуждал к себе даже что-то неприязненное, этот «Иванов»!

Охотница была Олимпиада Васильевна и до происшествий и этот отдел читала обязательно, точно так, как и объявления об умерших. Фельетоны читала не все и к политике относилась довольно равнодушно; однако пробегала и иностранные известия, чтобы при случае в разговоре вставить свое слово. Нечего и прибавлять, что она была горячей патриоткой, порицала Запад и при случае жестоко бранила «жидов».

Вообще, Олимпиада Васильевна представляла собой характерный тип чиновничьего мещанства и самого искреннего, бескорыстного раболепия перед знатностью, богатством и перед ходячими правилами приличия. Всю свою жизнь она посвятила заботам об устройстве приличной жизни, с приличной обстановкой. Жить, как живут вполне порядочные люди, было ее идеалом, и на осуществление его она потратила немало ума, энергии и изворотливости. Покойный ее муж, сперва мелкий чиновник, потом получивший хлебное место и дослужившийся до штатского генерала, был всегда под башмаком у Олимпиады Васильевны. Она, так сказать, вдохновляла его, поощряя к разным, не вполне законным действиям постоянными напоминаниями о детях, об их образовании, о будущем положении. И когда он умер, у вдо-

вы осталось небольшое состояние, проценты с которого вместе с пенсией давали возможность Олимпиаде Васильевне жить прилично. Дети были на своих ногах и радовали сердце обожавшей их матери. Старшая дочь сделала недурную партию – вышла замуж за товарища прокурора, младшая – Женечка, только что окончившая гимназию, была хорошенькая, вполне благовоспитанная барышня, которая, конечно, не засидится в девушках; один сын служил чиновником, другой – офицером, и оба были добрые, почтительные сыновья, вполне свои, разделявшие взгляды матери. Один только Саша смущал Олимпиаду Васильевну. Он нигде основательно не устраивался, менял места, «воображал о себе», высказывая резкие, совсем дикие, по мнению Олимпиады Васильевны, взгляды, иронизировал, считая себя умником, и вообще держался особняком от семьи. И семья его считала каким-то «отщепенцем», могущим скомпрометировать фамилию Пинегиных. Олимпиада Васильевна любила его меньше других детей.

«Те люди как люди, а этот – совсем неладный какой-то... Что толку с его ума, когда денег не может заработать!» – не раз думала мать и молила господу, чтобы он вразумил сына. Однако дипломатическая Олимпиада Васильевна избегала давать сыну советы, тем более что он никогда денег у нее не просил, да, кроме того, она и побаивалась его языка, зная, что в ответ на ее наставления сын иронически усмехнется, а не то и вышутит ее же, старуху. И то случалось, что братьев

он в глаза называл пошляками и по нескольким неделям после этого не показывался к матери.

Одним словом, этот Саша был больным местом Пинегиных и их многочисленных родных.

IV

– Ах, это вы, братец?.. Даже испугали! – промолвила Олимпиада Васильевна, увидав на пороге комнаты своего брата, отставного полковника Василия Васильевича Козырева, высокого, худощавого старика, с продолговатым, сморщенным лицом, напоминающим лисью мордочку, на котором бегали маленькие и лукавые, точно что-то высматривающие глазки.

Этот «братец», которого Олимпиада Васильевна не очень таки долюбивала за его коварство и ехидное сплетничество, вошел бесшумно, словно подкравшись. Он вообще имел привычку появляться у родных всегда как-то незаметно и умел все высмотреть и разузнать частью из любопытства, а частью чтобы иметь материал для разговора у родственников, которым можно сообщить что-нибудь новенькое о других.

– Гулял и зашел проведать тебя, сестра. Не звонил: думаю, зачем беспокоить, и прошел через кухню, – отвечал полковник тихим, вкрадчивым, тоненьким голоском и троекратно поцеловался с сестрой. – Ну, как живешь? Надеюсь, у вас все благополучно, сестра? – прибавил полковник.

– Ничего себе, слава богу, братец. Живем себе помаленьку... Да что ж мы здесь?.. Пожалуйста, братец, в гостиную... А вы как поживаете? – с приветливой улыбкой осведоми-

лась Олимпиада Васильевна, выходя вслед за полковником из спальни.

– И я, родная, помаленьку... Что мне? Гуляю себе больше, пока ноги носят, да милых родных навещаю. Вот вчера у сестры Антонины был...

Войдя в гостиную, полковник воскликнул:

– И как же у тебя уютно здесь... прелесть!.. Право, лучше, чем у Антонины... С большим вкусом убрано...

Олимпиада Васильевна, хотя и знала коварство брата, тем не менее приятно осклабилась.

– А эта хорошенькая вазочка, видно, новая? Я что-то ее не видал, – продолжал полковник, подходя к столу и разглядывая вазу.

– Да братец... Катенька недавно подарила...

– Похвально... Почтительная дочь твоя Катенька... И муж ее славный человек... Я думаю, дорогая? – осведомился полковник.

– Не могу вам сказать, братец... Вот сюда, в кресло присядьте... Антонина здорова?

– Слава богу, все там здоровы, – отвечал полковник и после паузы прибавил: – А Леночке новую шубу сделали...

– Новую? Да у Леночки есть шубка и довольно приличная.

– Верно, Антонине показалось, что не хороша... Ты ведь знаешь Антонину? И какая, я тебе скажу, сестра, шуба!..

Олимпиада Васильевна, завидовавшая младшей сестре Антонине, у которой и обстановка была красивая, и лакей

был, и дочь говорила по-английски, с живостью спросила:

– Какая же, братец, шуба?

– В семьсот рублей, – медленно произнес полковник, глядя с самым невинным видом на сестру.

– В семьсот рублей! – ахнула Олимпиада Васильевна и на секунду замерла от изумления.

– При мне деньги платили.

– И что же, действительно красивая шуба?

– Шикарная... Знаешь ли, ротонда – кажется, так называется? – ротонда из чернобурых лисичек, легонькая такая. А покрыта темно-зеленым плюшем и с пелеринками... Говорят, мода нынче – пелеринки... Прелестная шубка... Видно, у них лишние деньги-то есть!

– Откуда у них лишние деньги? – воскликнула волнуясь, Олимпиада Васильевна. – Положим, муж получает шесть тысяч.

– Семь, сестра...

– Хоть бы и семь. Так ведь на эти деньги не раскутишься, да еще с их привычками... За одну квартиру полторы тысячи платят... Антонина вечно жалуется, что им не хватает...

– Значит, заняли. Долги-то у них есть, я знаю, – конфиденциально, понижая голос, промолвил полковник. – Есть... Не по средствам живут... Любят форснуть. Вот хоть бы эта шуба? Ну к чему, скажи на милость, Леночке такая дорогая шуба? Положим, отец – тайный советник... Так ведь и ты, сестра, генеральша, однако и не подумаешь делать своей Же-

нечке шубу в семьсот рублей... К чему?..

В эту минуту в гостиную вошли Женечка, недурная собой, полненькая, свеженькая брюнетка, и Володя, молодой, довольно пригожий офицер, остриженный под гребенку, высокий и стройный, с кольцом на мизинце и браслетом на руке. Он имел заспанный вид и протира л глаза.

– Вот и поздние птички явились, – ласково приветствовал молодых людей полковник. – Ну, здравствуй, милая племянница, здравствуй, мой друг Володя... Видно, вчера ужинал, а? – подмигнул глазом полковник.

– Было дело под Полтавой, дядюшка! – весело смеясь, отвечал Володя.

Дядя поцеловался с молодыми людьми, после чего они подошли к матери и поцеловали ее руку.

Мать с видимым восторгом любовалась своими птенцами.

– Про какую это вы шубку говорили, дядя? – спросила Женечка.

– Вообрази себе, Женечка, – сказала Олимпиада Васильевна. – Тетя Тоня сделала Леночке новую ротонду... Денег нет, а они ротонду...

– В семьсот рублей, Женечка, – досказал полковник.

– Ловко! – откликнулся Володя.

В Женечкиных глазах блеснул завистливый огонек, и она заметила:

– Тетя так любит Леночку... Недавно вот новое бальное платье ей сшила... И прелестная, дядя, я думаю, ротонда?..

– Разумеется. И деньги прелестные...

Олимпиада Васильевна бросила недовольный взгляд на полковника, что он своим разговором об этой «дурацкой ронде» только смущает Женечку, и заметила:

– Это разве любовь настоящая!.. Просто пыль в глаза хотят бросить... Антонина воображает, что эти шубы да бальные платья помогут скорей найти Леночке жениха...

– А о женихах что-то не слышно! – вставил полковник.

– Еще бы... Леночка хоть и милая, а – сапог! – засмеялся Володя... – А кто на сапоге без хорошего приданого женится, а?

Олимпиада Васильевна бросила многозначительный взгляд на сына. «Дескать, не говори при дяде!» И то она уж пожалела, что сама дала волю языку из-за этой шубы. Братец ведь все передаст Антонине.

И Олимпиада Васильевна поспешила заметить сыну:

– Володя! Какие выражения! И ты неправду говоришь. Леночка хоть и не красавица, а прехорошенькая. Очень миленькая, особенно глаза у нее прелестные. Ведь правда, братец?..

Горничная вошла и доложила, что подан завтрак. Олимпиада Васильевна с обычным своим радушием пригласила братца позавтракать чем бог послал.

– Посидеть с вами – посижу, а есть не стану... Боюсь, сестра... У тебя всегда все так вкусно, а у меня, сама знаешь, катар...

– Отличное средство есть против катара, дядюшка! – проговорил Володя.

– Какое, мой друг?

– Три рюмки перцовки перед каждой едой, вернейшее средство! – рассмеялся Володя.

– Шутник ты...

– Нет, в самом деле попробуйте... Мамаша, а разве водки не полагается сегодня?..

Олимпиада Васильевна достала из буфета графинчик, бросив меланхолический взгляд на Володю.

Завтрак был вкусен и обилен, и полковник, несмотря на катар, отведал и маринованной осетринки и телячьей котлетки, не переставая рассказывать о том, как он сегодня утром был на Сенной и приценивался к провизии, как потом встретил богатые похороны и узнал, что хоронили купца Отрепьева, оставившего пятьсот тысяч, как потом прошел на Большую Морскую...

– И знаешь, сестра, кого я встретил?

– Кого, братец?..

– Твоего Сашу... Стоит у витрины и брильянты рассматривает... – Что, он разве больше не служит?..

Олимпиада Васильевна встревожилась.

– Он, может быть, на службу шел...

– Едва ли... Служба его совсем в противоположном конце. Да и двенадцатый час был.

– Странно... разве дело какое, что он не пошел на служ-

бу...

– То-то и я подумал... Но ежели дело, к чему разглядывать брильянты?

– Покупать собирается... Женечке подарить, – иронически усмехнулся брат.

– Он брильянтов не признает, – насмешливо заметила Женечка.

В это время из прихожей раздался звонок, и через минуту в столовую вошел Саша Пинегин.

– Вот легок на помине. Только что о тебе говорили, мой друг! – поспешил сказать самым любезным тоном полковник.

Все притихли. Приход «отщепенца» встречен был сдержанно и молчаливо.

V

Пинегин поцеловал у матери руку, пожал руку дяде, брату, сестре и присел к столу.

– Завтракать будешь? – без особенной приветливости спросила Олимпиада Васильевна, бросая тревожный взгляд на несколько возбужденное лицо сына.

«Наверно, опять бросил место?» – подумала она.

– Пожалуй, что-нибудь съем...

– Сейчас разогреют котлетку, а то холодная.

Дуня, принеся прибор, хотела было унести блюдо, но Пинегин остановил ее.

– Не стоит... Так съем...

– Напрасно, Саша, горяченькая вкуснее, – заговорил своим мягким, ласковым голосом полковник и, подвигая к нему графин с водкой, прибавил: – Чудная, братец, осетринка для закуски.

– Он не пьет водки, – сказал Володя, заметно притихший при брате.

– Не пьет?.. И без водки осетринка прелесть. И мастерица же ты, сестра!

Пинегин молча ел. Олимпиада Васильевна терзалась желанием скорей разрешить беспокоившее ее недоумение: отчего Саша не на службе и зачем он зашел? И она дипломатически спросила:

– Давно ты, Саша, у нас не был. Уж и записку хотела писать: здоров ли?

– Здоров, мамаша... Занят был это время...

– По службе?

– И по службе и так... дела были.

– То-то сегодня ты не на службе. Видно, заработался и отдохнуть денек собрался... Это ты умно придумал... Служба-то у вас тяжелая, а платят гроши... Везде протекция да протекция! – вздохнула Олимпиада Васильевна.

– Такому умнице, как Саша, давно бы тысяч пять получить, если бы у нас места по заслугам давали! – воскликнул не без пафоса полковник.

– Спасибо за комплимент, дядюшка, и за пять тысяч! – иронически промолвил Пинегин и, обращаясь к матери, прибавил. – Я больше, мамаша, совсем не пойду на службу... Довольно с меня!

– Бросаешь? – испуганно спросила Олимпиада Васильевна.

– Да, бросаю.

– Саша, верно, лучшее место получил. С его умом не сидеть же ему на пятидесяти рублях, кандидату естественных наук, – проговорил полковник с едва слышной иронической ноткой в своем вкрадчивом, тонком голоске.

– И лучшего места не получил, даже и с моим умом, дядюшка.

Все неодобрительно взглянули на этого «отщепенца», ко-

торый бросает место и еще иронизирует.

– Думаешь одной литературой пробавляться? – насмешливо спросил Володя.

Пинегин только повел равнодушно-презрительным взглядом на брата, не удостоив его ответом, и сказал обращаясь к матери:

– Вы не волнуйтесь, мамаша... Теперь мне места не надо... Я женюсь, и на богатой девушке...

Брат и сестра иронически хихикнули, подтолкнув друг друга локтями. Полковник саркастически улыбался. Олимпиада Васильевна недоверчиво смотрела на сына, не зная – верить ему или нет. Он ведь любит иногда потешаться над родными. У него есть эта злая привычка. Да, наконец, какая богатая девушка пойдет за такого голыша, за человека без какого-нибудь определенного положения. Это что-то невероятное!

Пинегин между тем продолжал, и голос его слегка вздрагивал от нервного возбуждения:

– Очень милая и образованная девушка... Надеюсь, вам понравится... Дочь покойного золотопромышленника Коновалова...

Все встrepенулись при слове «золотопромышленника». Казалось, Саша не шутил.

– Коновалова?! – воскликнул в каком-то сладостном восторге полковник. – Эта та, у которой, говорят, несколько миллионов, прииски и громадный дом на Караванной?

– Она самая, дядюшка, – ответил Пинегин.

– И... ты... Саша, женишься... Ты не шутишь?... – задыхаясь от волнения, спрашивала Олимпиада Васильевна.

– Какие, мамаша, шутки. Завтра я привезу к вам свою невесту.

– И она... в самом деле... так богата?

– Богата: два миллиона, прииски и дом.

Миллионы и прииски произвели ошеломляющее впечатление. Все впились в Пинегина, глядя на него, как на сказочного принца, в безмолвном очаровании, проникнутые почтительным уважением. Этот Саша, отщепенец Саша, вдруг стал в глазах всех совсем другим человеком, словно свершившим необыкновенный подвиг и осененный лучезарным ореолом. У офицера Володи уже бродила мысль занять у брата крупный куш. «Вероятно, он не откажет на радостях!» И вместе с почтением он чувствовал невольную зависть.

Олимпиада Васильевна в умилении заплакала. Чувствуя прилив материнской нежности к сыну, она проговорила прерывистым голосом:

– Саша... Александр... Поздравляю тебя... Будь счастлив... Постой, тебе сейчас зажарят другую котлетку... Володя, достань вино... Там есть бутылка мадеры.

Пинегин подошел к матери. Растроганная, счастливая, она обняла его и благословила.

– Женя!.. Да скажи, чтоб Саше котлетку скорей...

– Да не надо, мамаша...

Розлили вино. Все чокались с Пинегиным, поздравляли и целовались. Полковник глядел с таким победоносным видом, точно сам он женился на миллионах, и восторженно повторял:

– Я ведь всегда говорил... всегда говорил, что Саша умница. Голова!

– А хорошенькая твоя невеста, Саша? – спрашивала Женечка.

– А вот увидишь... Предупреждаю: она далеко не красавица...

– Да разве красота все? – горячо подхватила Олимпиада Васильевна. – Ты лучше спроси: какого характера?

– Тихая, славная девушка, мамаша.

– Вот это-то главное!

– Я думаю, роскошно одевается? – опять спросила Женечка.

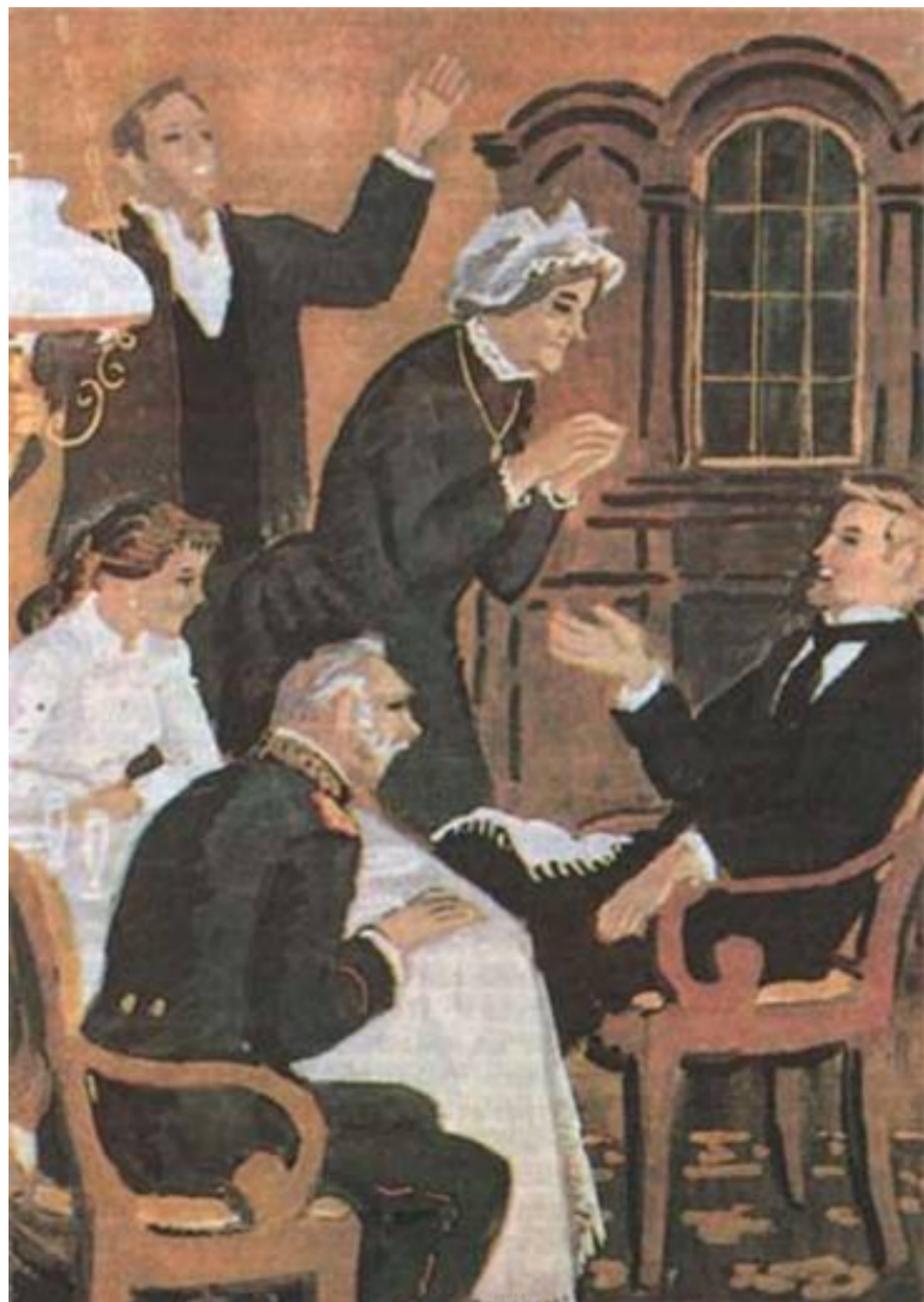
– Напротив, очень скромно...

– Должно быть, прелестная девушка! – с пафосом воскликнула Олимпиада Васильевна.

– Да разве Саша женился бы на дурной! – вставил полковник.

Несколько времени шли расспросы. Олимпиада Васильевна очень ловко выпросила обо всем и отлично сообразила, что сын женится не по любви и что будущая жена не хороша собой. Она в душе вполне одобряла Сашу и искренно дивилась его уменью подцепить такую невесту. Она гордели-

во радовалась, что один из Пинегиных будет миллионер, и питала надежду, что Саша не забудет при таком богатстве о своих. «Ведь он добрый!» Мысль о том, как будет завидовать сестра Антонина, приятно щекотала ее нервы.

Решено было, что завтра Саша будет обедать с невестой у Олимпиады Васильевны и к обеду будут приглашены многие родственники, чтобы познакомиться с невестой. Олимпиаде Васильевне хотелось хвастнуть перед родными.

Она перечислила всех, кто будет приглашен, и спросила:

– Ты ничего не имеешь против, Саша?

– Делайте как хотите, мамаша.

– А мы в грязь не ударим, голубчик... Обед будет хороший...

И, оживленная и радостная, она объявила, что будет суп с пирожками, форель, рябчики, зелень и мороженое от Берена...

– Надеюсь, Раиса Андреевна не взыщет, Саша? – прибавила мать.

– Раиса неприхотлива...

– А вино, а шампанское, надеюсь, будет? – спросил Володя.

– Все будет, не беспокойся, дружок... Уж я не пожалею денег для такого случая...

Но сын не хотел, чтобы мать разорялась из-за него.

Он вынул бумажник, в который заглянули любопытные глаза всех присутствующих, и дал матери пятьдесят рублей.

Когда «счастливец» собрался уходить, все вышли провожать его в переднюю, и Олимпиада Васильевна еще раз горячо поцеловала на прощанье Сашу и просила расцеловать

«милую Раису».

VI

Весть о женитьбе Саши Пинегина на миллионерке произвела потрясающий эффект среди всех родственников. Их было бесчисленное множество в Петербурге. Почти все они принадлежали к небогатой чиновничьей среде и жили кланами на Петербургской стороне, в Измайловском полку и на Песках, исключая нескольких, побогаче, выселившихся в более фешенебельные части столицы.

Несмотря на горячие родственные чувства, выказываемые при встречах, они довольно-таки зло сплетничали друг про друга. Каждый клан зорко следил за тем, что делается в другом, и между ними шло постоянное соперничество; каждая семья старалась отличиться перед другой и обстановкой, и костюмами дочерей, и их талантами (почти в каждом семействе было, конечно, по «замечательной» певице – будущей Патти), и угощением на журфиксах, и служебным положением мужей и сыновей. Ехидному полковнику было раздолье травить родственников и ежедневно завтракать и обедать у кого-нибудь из них, являясь с какой-нибудь новостью. И значительная часть пенсии, получаемой полковником, превращалась в бумаги, которые полковник относил на хранение в государственный банк, гарантируя себе, таким образом, более или менее любезный прием у родственников, по счету которых у полковника лежало в банке тысяч до двадцати.

Нечего и говорить, что полковник не отказал себе в удовольствии, после завтрака у сестры Олимпиады, обойти многих братьев и сестер, племянниц и племянников, чтоб сообщить о Сашином счастье и о завтрашней обеде и, разумеется, с самым серьезным видом прибавлял к состоянию невесты где один, а где и два-три лишних миллиона, возбуждая всюду взрывы изумления и плохо скрываемую зависть, что миллионы достаются Саше Пинегину.

Бывает же такое невероятное счастье людям! Чем мог пленить он Коновалову? Ведь со своими миллионами она могла сделаться графиней, княгиней, чем угодно, и вдруг... Однако молодец же этот Саша!

Только к вечеру полковник попал к сестре Антонине на Литейную. Он застал ее дома одну в ее маленькой голубой гостиной за вязаньем какого-то сюрприза к именинам «Никса», как с некоторых пор она величала своего мужа, найдя, что «Никс» звучит гораздо аристократичнее, чем прежнее уменьшительное «Николаша».

Сестра Антонина была довольно еще моложавая женщина, лет за сорок, с пышными формами внушительного бюста, щеголевато одетая, благоухающая, с блестящими кольцами на своих не особенно изящных, красноватых толстых пальцах, со взбитыми каштановыми волосами, падавшими завитками на лоб, полноватая, румяная, с подведенными серыми глазами, втайне думавшая, что еще может нравиться мужчинам. Она считалась между родственниками аристократкой,

так как была женой тайного советника, имела свой экипаж, щеголяла туалетами и вообще любила задать тону и похвастать своими знакомствами. Она щурила глаза и говорила немного в нос, растягивая слова, как и следовало, по ее мнению, говорить тонной даме, у которой, между прочим, бываю-ют с визитами княгиня Подлигайлова и жена статс-секретаря Ардатова, урожденная баронесса фон-дер-Шмецк. Этих дам знали все родственники со слов Антонины Васильевны и, разумеется, завидовали ей. Но самое большое впечатление производил ее рассказ о том, как два года тому назад, на каком-то парадном балу, к ней подошел сам его светлость князь Отрешков и говорил с ней четверть часа и как она спрашивала, когда он сжалится и вернет ей мужа из командировки. «И светлейший обещал и действительно вернул скоро Никса!» – прибавляла Антонина Васильевна, довольная, что могла поразить родственников вниманием его светлости и доставить несколько неприятных, завистливых минут старшей сестре, Олимпиаде Васильевне, постоянно грезившей о титулованных высоких особах...

– Я к тебе на минутку, сестра, – заговорил после родственного лобзания самым невинным тоном полковник, – Олимпиада просила передать записочку, зовет завтра обедать...

Антонина Васильевна прочла записку и довольно небрежно протянула:

- Вот как, Саша женится?.. Какая это дура идет за него?
- Разве Олимпиада не пишет?

– Ни слова... Зовет только на родственный обед познакомиться с Сашиной невестой, точно в самом деле очень важное событие, что Саша женится... Верно, такая же сумасбродная и нищая, как и он сам.

– Видно, Олимпиада растерялась от радости и главного не написала... Знаешь ли ты, сестра, на какой дуре Саша женится? – с таинственной торжественностью проговорил полковник.

– Не особенно интересно и знать... Этот Саша...

– Очень даже интересно! – перебил полковник. – Ты и вообразить себе не можешь, Антонина, как интересно! – еще значительнее прибавил полковник, понижая голос почти до шепота.

Антонина Васильевна вся насторожилась, но в качестве светской дамы не выказала своего нетерпения.

«Подожди, сестрица, ахнешь!» – не без злорадства подумал полковник, задетый за живое кажущимся равнодушием сестры и почему-то считавший женитьбу племянника близким и кровным для себя делом, – так он много сегодня о ней говорил.

И как опытный актер, подготовляющий зрителя к эффекту, он выдержал паузу и медленно проговорил своим тихоньким тенорком:

– На Ко-но-ва-ло-вой!

– А что такое эта Коновалова? – умышленно равнодушным тоном протянула Антонина Васильевна, втайне уже вол-

нующаяся и чувствующая по тону брата что-то значительное и важное.

– Не слыхала фамилии Коноваловой?.. Удивительно!.. Не знаешь Ко-но-ва-ло-вой? Она дочь известного золотопромышленника. Прииски в Сибири, громадный дом на Караванной и пять миллионов наличными деньгами в государственном банке. Пять миллиончиков чистоганом. Вот на какой дуре женится Саша Пинегин, наш племянник!

У Антонины Васильевны при этом известии сперло в зобу и от волнения выступили на пухлых щеках красные пятна. Тем не менее она все-таки пыталась скрыть свои чувства, – нельзя же светской даме ахать как кухарке, – и, притворяясь спокойной, проговорила дрогнувшим голосом:

– Пять миллионов?.. Прииски?.. Это точно волшебная сказка! Как сестра должна быть счастлива... А Саша?.. Кто бы мог ожидать!!

– Я, сестра, всегда ожидал от Саши чего-нибудь необыкновенного, – внушительно проговорил полковник. – Саша – умница... Голова у него – золотая... Теперь он навек счастлив с таким богатством. У невесты ведь ни отца, ни матери.

– Ни отца, ни матери, скажите, пожалуйста!! Бедная!! И миллионы у нее? Да, Саша умный и образованный, это и Никс всегда говорит, но он какой-то неродственный. А я его всегда очень любила и защищала... Воображаю, как Олимпиада рада!.. Саша ведь не забудет своих при таком громадном состоянии... Неужели пять миллионов?

– Говорят, пять... Саша, впрочем, кажется, сказал, что три... Ну, разумеется, не забудет матери, будет ей помогать... Теперь Олимпиада заживет. Еще бы!.. Тысяч десять, двадцать в год дать матери ничего не стоит при двухстах тысячах годового дохода. Уж он обещал! – присочинил полковник.

– Где он познакомился с этой Коноваловой?.. Она хороша собой, образованна?.. Как все это случилось? Расскажите все подробно, братец... Это так интересно. Она, разумеется, влюблена, иначе пошла ли бы она за Сашу?.. Конечно, Саша недурен собой... Он в нас, в Козыревых, и может нравиться женщинам... ну, и умеет говорить... Кто был ее отец? Когда свадьба? – лихорадочно забрасывала вопросами Антонина Васильевна и, охваченная любопытством и завистью, забыла теперь даже растягивать слова и корчить из себя тонную даму. – Да не хотите ли, голубчик братец, чаю? Мы пьем в десять, но я велю сейчас подать. Напьемся вдвоем, Никс в клубе, а Леночка в опере... Княгиня Подлигайлова пригласила ее к себе в ложу.

Полковник отказался. Он только что пил у племянницы Катеньки... «Какая эта милая Катенька и как она прелестно поет... Зовут в оперу... И муж ее такой славный!» – не удержался полковник, чтобы не подразнить сестру Антонину, дочь которой Леночка тоже была певицей и, по мнению матери, пела несравненно лучше дочери Олимпиады Васильевны. «Какое сравнение! У Леночки не голос, а масло...

Тембр, чувство, а Катенька визжит, как придавленная кошка... Правда, есть две-три сносные нотки, вот и все!» – говорила нередко за глаза сестра Антонина.

Однако на этот раз Антонина Васильевна не противоречила полковнику (и что он понимает в пении!) и жадно слушала его. Он, впрочем, далеко не удовлетворил любопытство сестры Антонины, хоть и подробно, не без собственных прибавлений, рассказал, как Саша за завтраком объявил о своей женитьбе, как расхваливал свою невесту, как сестра Олимпиада плакала и как все рады были за Сашу и пили за его здоровье...

– Завтра вот увидим невесту, – говорил полковник, поднимаясь с кресла. – Обед будет превосходный... Ты ведь знаешь, Олимпиада мастерица угостить... Ты, конечно, будешь, сестра?

– Еще бы... такое радостное событие... Мы все приедем... Да вы куда же, братец? посидите, расскажите, как все это случилось, что Саша говорил про свою невесту...

– Поздно сидеть, дорогая... Устал, пора старым костям на покой. С утра сегодня бродил, навещал милых родных... Что Саша про невесту говорил? Да говорил, что умная, образованная, добрая девушка.

– А про наружность что говорил?.. Брюнетка, блондинка, хороша?

– Про наружность не говорил. Да и что говорить? С таким состоянием всякий урод красавица! – заметил полков-

ник улыбаясь. – Ну, кланяйся своему милому Николаю Аркадьевичу да поцелуй красавицу Леночку. До завтра, мой друг.

Облобызавшись с сестрой, полковник ушел, оставив сестру Антонину в неопisanном волнении. Несмотря на усталость, он не взял извозчика и по своей скаредности даже не сел в конку, а тихо побрел на Васильевский остров, где жил в двух маленьких комнатках, нанимаемых от жильцов.

Когда Никс, высокий, плотный и довольно видный мужчина лет за пятьдесят, с роскошными черными бакенбардами, обрамлявшими молоджавое, хорошо сохранившееся лицо, вернулся во втором часу домой из клуба, Антонина Васильевна еще не спала. Одетая в красивый капот с широким воротом, открывавшим пышную пожелтевшую шею, она пошла в кабинет, чтобы сообщить мужу об удивительной новости.

Никс, несколько румяный после ужина, выслушал жену и с тонкой улыбкой весело проговорил:

– Однако ловкая бестия этот Саша! Вот никак не думал! Такое урвал состояние!

И, словно озаренный счастливей мыслью, сказал:

– Надо теперь Сашу устроить при министерстве. Пусть числится и получает чины. Можно и камер-юнкером сделать... И знаешь ли что, Тонечка?

– Что, Никс?..

– Недурно было бы у него занять денег на уплату долгов.

С рассрочкой, что ли... Ты бы это устроила, Тонечка, а? – промолвил Никс, нежно целуя жену и привлекая ее к себе... – И позовем их на днях обедать...

VII

Едва ли Наполеон перед Ватерлооской битвой был в таком возбужденном состоянии, в каком была на следующий день Олимпиада Васильевна, вся поглощенная заботой, как бы не ударить лицом в грязь с парадным обедом. На обед, кроме невесты, было приглашено пятнадцать человек самых близких и избранных родственников и притом не состоящих друг с другом в открытой вражде. Пригласить большее число, при всем желании Олимпиады Васильевны показать всем невесту-миллионерку, было нельзя – места в столовой не хватало. И то будет тесновато.

В этот день Олимпиада Васильевна проснулась в шесть часов утра и тотчас же стала одеваться. После нового и продолжительного совещания с кухаркой она вместе с ней поехала закупать провизию в лучшие лавки столицы и на этот раз не жалела денег. Закуски, вина и фрукты поручено было купить Володе. Форель на садке была выбрана, после тщательного осмотра, громадная и великолепная. Рябчики и зелень взяты в известной лавке, где берут повара самых аристократических домов. Мороженое заказано у Берена.

Целый день Олимпиада Васильевна носилась по квартире как угорелая, не зная устали, сама все прибирая и подчищая, и сегодня не ссорилась с кухаркой, не шпыняла ее, как обыкновенно. Напротив, была с ней предупредительна, ласкова и

даже заискивала в ней, умоляя «Аксиньюшку» постараться и ничего не испортить. Толстая, жирная Аксинья, сама проникнутая важностью предстоявшего обеда, успокаивала барыню. «Все будет хорошо. Не извольте беспокоиться, барыня!» И в сиявшей чистотой кухне, среди массы кастрюль и всякой посуды, Аксиния, не суетясь, сама несколько возбужденная, ловко управлялась со своим делом, по временам вызывая барыню для какого-нибудь совещания.

К четырем часам Дуня и приглашенная в помощь горничная дочери, обе прифранченные, шурша накрахмаленными ситцевыми платьями, уже накрыли на стол под наблюдением самой Олимпиады Васильевны. Сервиз был парадный, серебро новое – из будущего Женечкина приданого. Хрусталь так и сверкал. Обернутые в гофрированную бумагу горшки с розами и две, взятые напрокат, вазы для шампанского украшали стол вместе с рядом бутылок. А в углу столовой маленький стол весь был уставлен закусками: целая ваза была полна свежей икрой. «Три с полтиной за фунт!» – не без горького чувства думала Олимпиада Васильевна, жалея, что сама не купила икру подешевле, а поручила Володе.

Олимпиада Васильевна несколько раз обошла вокруг стола, выровняла стаканы, бокалы и рюмки, поправила десертные ножички и наконец убедившись, что стол накрыт как следует, понеслась в своем парадном сером шелковом платье, с чепцом на голове, в кухню, и с тревожной боязливостью в голосе, полном нежности, спросила:

– Как рыба, Аксиньюшка?

Спокойно-уверенный вид раскрасневшейся Аксиньюшки успокоил барыню. Суп и пирожки она уже пробовала – отличные. Кухарка уверяла, что и рыба, и жаркое, и зелень – все будет хорошо. «Не осрамимся!»

И Аксинья подняла крышку длинной рыбной лохани и предложила барыне вилку. «Еще четверть часа – и готова!»

В это время в прихожей звякнул звонок. Олимпиада Васильевна бросилась в гостиную, проговорив умоляющим голосом:

– Уж вы, Аксиньюшка, пожалуйста... Форель не передержите да гарнир покрасивее...

На звонок в гостиную выпорхнула и Женечка, свежая, румяная, хорошенькая и нарядная. Вышли и братья: Володя и Петя – апатичный молодой человек, служивший в департаменте.

Через минуту показалась Катенька, молоденькая блондинка в интересном положении, с капризным и несколько болезненным выражением подурневшего миловидного лица, вместе с своим мужем, «Бобочкой», товарищем прокурора, свеженьким, чистеньким, изящным и необыкновенно вежливым и обходительным молодым человеком, очень любимым тещей. Катенька горячо обняла мать, расцеловалась с сестрой и братьями и лениво опустилась на диван. Бобочка нежно поцеловал руку у Олимпиады Васильевны и по-родственному поздоровался с остальными членами семьи.

Звонки раздавались все чаще и чаще. Собирались родственники. Сперва явился полковник, сияющий словно именинник в своем отставном мундире и в орденах. Затем приехал брат Сергей, длинный и худой статский советник, похожий на задумчивую цаплю, с геморроидальным и несколько кислым лицом заматорелого «чинюги», обиженного, что его долго не производят в генералы, и с ним такая же худая и тоже словно чем-то обиженная жена и сын, молодой и серьезный путеец в очках, которого мать называла «Базилем». Шумно влетел потом племянник Жорж, краснощечный, бойкий и развязный бухгалтер железнодорожного управления, в щегольском рединготе и белом галстухе, получавший семь тысяч жалованья, вслед за женой, вертлявой, пикантной брюнеткой, пестро одетой и довольно умело подкрашенной, добродушной и глупой «Манечкой», которую «обиженная дама» оглядела с ног до головы злыми глазами и подавила вздох, словно бы желая сказать: «Бывают же на свете такие женщины!» Впрочем, «обиженная дама» или «тетя-уксус», как звали ее молодые Козыревы и Пинегины, вообще была строга и известна как самая ядовитая сплетница в Песковском клане.

После Жоржа с женой в гостиную вошла мелкими, быстрыми шажками, чуть-чуть повиливая бедрами и внося с собой душистую тонкую струйку, племянница Вавочка, довольно еще свежая женщина проблематических лет «около тридцати», жена капитана-морьяка, бывшего в дальнем пла-

вании, полная, круглая, раскрасневшаяся от туги стянутой талии и избытка здоровья и ласково улыбающаяся своими большими темными глазами и от удовольствия видеть родных, и от удовольствия быть в изящном туалете на посрамление других. Вавочка среди родных считалась элегантной женщиной, умеющей одеваться со вкусом, и она, разумеется, поддерживала эту репутацию, считая себя вдобавок и неотразимой. И хотя она была непреклонной добродетели, тем не менее подводила брови и не прочь была вести теоретические разговоры о чувствах и хвалилась, что за ней очень ухаживают мужчины, к которым она совершенно равнодушна. Она любит одного Гогу, своего мужа, а остальные мужчины для нее не существуют.

Родственники сегодня с какою-то особенной нежностью целовались с Олимпиадой Васильевной и с большой горячностью уверяли, скрывая зависть, как были рады узнать, что Саша – жених. Олимпиада Васильевна благодарила, утирала набегавшую слезу и, вдруг вспомнив, что форель может перевариться, исчезала из гостиной, летела на кухню, смотрела рыбу и жаркое и с облегченным сердцем возвращалась к гостям. Слава богу, все, кажется, будет хорошо!

За четверть часа до пяти приехали сестра Антонина, Леночка и тайный советник Никс. Приезд «аристократов» возбудил некоторую сенсацию и еще более нахмурил чело брата Сергея. Его превосходительство, свежий и веселый, с благоухающими расчесанными великолепными своими бакенбар-

дами, был очень представителен во фраке с двумя звездами. На жене и дочери Леночке были блестящие туалеты. Толстенькая Вавочка и «вертлявая брюнетка» так и впились глазами. Этих шикарных платьев они не видали. Верно, недавно сделаны, и, главное, что несколько смутило Вавочку, совсем новый фасон!

Его превосходительство с обычной своей приветливой любезностью, втайне слегка презирая жениных родственников, здоровался с ними, поздравил Олимпиаду Васильевну, сказал Вавочке комплимент и подсел к вертлявой брюнетке, с которой любезничал Володя, уже успевший выпить начерно с Жоржем рюмки три водки...

Антонина Васильевна, с черепаховым длинным лорнетом в руке, порывисто и горячо обняла сестру Олимпиаду и нежно шепнула о своем радостном участии. После родственных приветствий она заняла место на диване около Катеньки и заговорила с ней, снова растягивая слова и щуря глаза. Не очень громко, но так, чтобы слышали другие, она рассказывала, в каком восхищении осталась вчера Леночка от оперы. Леночка была с княгиней Подлигайловой.

– Ты, Катя, кажется, видела у меня княгиню Подлигайлову?..

Все сидели вокруг стола, перекидываясь вопросами о здоровье, замечаниями о погоде, о театре, и с нетерпением ожидали появления невесты-миллионерки. Все приглашенные были в сборе. Недоставало только жениха и невесты.

Полковник волновался, подходил к окнам и взглядывал на часы.

Наконец раздалось ровное звяканье копыт по мостовой, без шума колес, и замерло у подъезда.

Володя и Женечка бросились к окну.

– Они! – крикнули оба.

– Какие чудные лошади! – восторженно прибавила Женечка.

Многие подбежали к окнам и увидали маленькую каретку с парой красивых вороных лошадей в английской упряжи. Бритый рыжий кучер в черной ливрее и в цилиндре, с невозмутимым видом поддельного англичанина, сидел на козлах. Из кареты торопливо вышла маленькая женская фигурка и Саша Пинегин.

– Аккуратны! Ровно пять часов! – заметил полковник, отходя от окна, и, обращаясь к Антонине Васильевне, прибавил: – Ну и кони, сестра! Тысячные!

Раздался звонок. Олимпиада Васильевна с Володей и Женечкой вышли в прихожую. Все родственники невольно притихли, ожидая появления невесты. Тетя-уксус вся насторожилась, вытянув свою длинную шею. Вавочка опраивала прическу. Антонина Васильевна с напускным равнодушием рассматривала альбом. Его превосходительство с едва заметной насмешливой улыбкой переглянулся с молодым прокурором.

VIII

Под руку с сиявшей и умиленной Олимпиадой Васильев-ной в гостиную вошла, смущенно и ласково улыбаясь, некрасивая молодая девушка лет двадцати пяти на вид, маленького роста, плохо сложенная, плотная и коренастая брюнетка, с крупными и резкими чертами смуглого, отливавшего желтизной лица, с выдающимися скулами, широким носом и крупными губами.

Но зато глаза у этой девушки были прелестны и значительно смягчали некрасивость ее физиономии: большие серьезные и вдумчивые черные глаза с ясным и необыкновенно кротким взглядом, какой бывает у детей или у очень добрых и хороших людей.

Скромность туалета миллионерки даже удивила многих родственников, ожидавших блеска и кричащей роскоши. Она была одета, правда, с изящной простотой, свидетельствовавшей об ее тонком вкусе и привычке одеваться хорошо, и жадный взгляд Вавочки оценил по достоинству и прелесть нежной, дорогой ткани, и изящество отделки, и мастерство артиста, сшившего это ловко сидевшее светлое платье модного цвета гелиотроп, но костюм ее не бил в глаза. И на этой владелице миллионов не было ни дорогих брильянтов, ни других богатых украшений. Только красивые крупные жемчужины белели в ушах. На руке был скромный port-

bonheur ¹, а у шеи простенькая брошка. Прическа у нее была самая простая и не модная. Черные, гладко причесанные по-старинному волосы, с пробором посредине, обрамляли ее высокий лоб, а сзади были собраны в косы. И держалась она скромно и просто, несколько застенчиво среди незнакомых людей.

Олимпиада Васильевна, успевшая еще в прихожей очаровать приемом свою будущую невестку, познакомила Раису Николаевну с родственниками.

– Раиса Николаевна Коновалова... Сестра Антонина... дочь Катенька... брат Сергей... племянница Вавочка, – говорила она нежным голосом, подводя Раису Николаевну то к одному, то к другой... – Здесь все наши близкие милые родные, – прибавляла она, ласково взглядывая на Раису.

Все отнеслись к гостье необыкновенно приветливо и сердечно, чувствуя невольный прилив почтительной нежности к этой скромной некрасивой девушке, обладавшей миллионами. Все как-то значительно и крепко жали ей руку, и дамы горячо целовали ее крупные губы, как бы приветствуя в ней будущую родную и близкого человека. Сестра Антонина, помня совет Никса, с нежной порывистостью протянула обе свои руки, потом привлекла Раису к себе и поцеловала, а затем, когда Раиса попала в родственные объятия Вавочки, Антонина Васильевна в избытке чувств прошептала, но так,

¹ браслет без застежки (франц.)

однако, что Раиса могла слышать:

– Ах, что за милая девушка! Не правда ли, Катенька?

Тетя-уксус, уже шепнувшая изнемогавшему от зависти путейцу Базилу, что невеста «урод и кривобока», сохраняя все тот же обиженный вид страдальцы, так впилась своими тонкими губами в губы Раисы и так крепко сжала ей руку, что бедная Раиса чуть-чуть поморщилась от боли. Полковник почтительно поцеловал лайковую перчатку на ее руке.

Видимо, тронутая общим дружеским отношением, молодая девушка с искренней горячностью отвечала на все эти ласки родных любимого человека, перенося на них частицу любви, которую питала к Пинегину.

Несколько бледный, стараясь скрыть под маской спокойствия свое волнение, свежий и красивый, казавшийся красавцем в сравнении со своей невестой, он весело здоровался с родными и глядел им прямо и смело в глаза, словно бы заранее предупреждая какие-нибудь щекотливые вопросы. Но, разумеется, никаких щекотливых вопросов не было. Все с какую-то особенной почтительной приветливостью здоровались с бывшим «отщепенцем». Его превосходительство, относившийся прежде к своему родственнику с холодной, не допускающей фамильярности вежливостью, сегодня как-то особенно ласково, с фамильярностью доброго товарища, пожал ему руку и поздравил его. И дядя Сергей, особенно не любивший племянника и считавший его неосновательным и зловредным человеком, по недоразумению не попавшим в

Сибирь за свои возмутительные мнения, приветствовал племянника с непривычной ласковостью и почему-то поцеловал его, словно желая почтить его возрождение. Одним словом, все родственники видимо одобряли поступок Саши, и ни одна пара глаз не взглянула на него с презрением. Все хвалили его невесту. «Она такая милая, такая симпатичная...»

Только подросток Люба, гимназистка пятнадцати лет, гостившая по случаю кори у них в семье, у своей двоюродной бабушки, – горячая поклонница «дяди Саши» за его радикальный образ мыслей и за то, что он «умный», – как-то недоумевающе смотрела, сидя где-то в углу, своими умными серыми глазенками, и грустная усмешка по временам скользила по ее худенькому, бледному личику. Но, разумеется, никто не обращал на нее внимания...

Олимпиада Васильевна слетала на кухню и, убедившись, что все готово и можно подавать, вернулась в гостиную и проговорила:

– Милости просим... Пожалуйста... Сестра Антонина... Николай Петрович... Раиса Николаевна... Брат Сергей... Вавочка...

Все двинулись в столовую.

Антонина Васильевна, любезно обхватив рукой за талию Раису, увлекла ее за собой и пошла первой. За ними пошли тетя-уксус с супругом.

Дорогой она шепнула мужу, указывая глазами на Антонину Васильевну:

– Ухаживает за миллионеркой... Видно, и у них хотят занять?..

Обиженный статский советник только мрачно вздохнул в ответ.

Никс вел под руку Вавочку и, пользуясь отсутствием контроля своей ревнивой Тонечки, взглядывал загоравшимися глазами на пышный бюст Вавочки и говорил ей, благо-разумно понижая голос, что она сегодня очаровательна, эта несравненная Вавочка, как фамильярно называл его превос-ходительство, человек очень женолюбивый и большой лове-лас, племянницу своей жены. Вавочка делала вид, что недо-вольна, просила не говорить ей, «почти старухе», глупостей и, сознавая свою неотразимость, еще более рдела и самодо-вольно улыбалась, отдергивая, однако, руку, которую игри-вый тайный советник слишком сильно прижимал к себе. Во-лодя смешил вертлявую Манечку, жену двоюродного брата Жоржа, и просил ее сесть за обедом рядом с ним. Манечка хихикала, кокетничала и спросила:

– Понравилась невеста?

– Сапог!

– Но ты бы на ней женился?

– Хоть сейчас! – весело отвечал офицер.

Катенька переваливалась сзади всех. Она чувствовала се-бя нездоровой и капризничала. Прокурор Бобочка, всего два года женатый, желая угодить жене, сказал ей на ухо:

– А ведь очень дурна, не правда ли?

Катенька строго взглянула на Бобочку.

– Вам, мужчинам, нужна одна красота... Она очень симпатична...

И вдруг с каким-то внезапным раздражением спросила:

– Признавайся... Ты очень завидуешь Саше?

Бобочка презрительно усмехнулся.

– Есть чему завидовать?!

А в голове его пробежала мысль:

«Если б эти миллионы да мне!..»

За обильной закуской мужчины выпили по несколько рюмок водки. Сегодня и Саша Пинегин разрешил себе выпить и чокался со всеми. Волнение его прошло; он чувствовал себя хорошо и весело. После трех рюмок водки он несколько размяк; в его отношениях к родственникам проявилась какая-то мягкость, и они стали казаться ему уж не такими пошляками, какими считал он их прежде. И это видимое сочувствие и уважение, проявившиеся внезапно к нему, хотя он и понимал отлично причину их, – тем не менее приятно щекопали нервы и точно оправдывали его в собственных глазах.

Стали садиться за стол. Сестра Антонина села около хозяйки. По другую сторону усадили Раису. Около нее сел Саша Пинегин. Остальные разместились кто как хотел, и его превосходительство очутился на конце стола, среди молодежи, подле Вавочки. Антонина Васильевна, заметивши соседство мужа с этой «жирной перепелкой», как она презрительно называла за глаза свежую толстушку Вавочку, только

недовольно сверкнула глазами, но не сказала ни слова. Но тетя-уксус, зорко наблюдавшая за всем, не удержалась-таки и, словно обиженная, что такой важный родственник и вдруг сидит на конце стола, а не на более почетном месте, сказала Олимпиаде Васильевне:

– А Николая Петровича что ж так далеко усадили, сестрица?

– Что ж это в самом деле я и недосмотрела, – заволновалась Олимпиада Васильевна. – Николай Петрович, куда ж это вы сели? Не угодно ли сюда, поближе?

– Не беспокойтесь. Олимпиада Васильевна... Не все ли равно?... Не место красит человека, а человек место! – отшутился он.

– Впрочем, и то, с молодыми-то веселей! – ехидно шепнула тетя-уксус и стала с обиженным видом кушать суп.

Антонина Васильевна между тем занимала Раису, рассказывая ей о прошлогодней своей поездке за границу... «Что за прелесть эта очаровательная Ницца».

– И вообще весь Corniche... ² С каким удовольствием я опять уехала бы за границу...

– Там хорошо, но под конец надоедает, – заметила Раиса.

– Раиса пять лет прожила за границей. Она там воспитывалась, – вставил Саша Пинегин.

– Но осталась совсем русской, – прибавила с улыбкой Раиса.

² Дорога от Ниццы до Генуи (франц.)

– Вы воспитывались за границей, родная? – нарочно громко, чтобы слышали решительно все, переспросила Олимпиада Васильевна и, обращаясь к Катеньке, еще раз повторила:

– Катенька, слышишь, Раиса Николаевна воспитывалась за границей!

И тотчас же взволнованно вперила глаза на двери, в которых появилась Дуня с громадным блюдом. На нем красовалась великолепная, больших размеров форель, превосходно убранная гарниром.

Торжествующая улыбка сияла на лице тети-дипломатки и от того, что около нее сидит будущая невестка-миллионерка и все это видят и чувствуют, и от того, что она воспитывалась за границей, и от того, что форель, видимо, произвела впечатление.

В эту минуту Олимпиада Васильевна была бесконечно счастлива, а впереди еще сколько счастья?!

– Ну уж и рыбина, сестра! – восторженно воскликнул полковник.

– Вы прежде попробуйте, а потом хвалите, братец, – скромно заметила Олимпиада Васильевна.

На время наступило затишье. Все ели с видимым удовольствием рыбу и запивали ее белым хорошим вином. И Володя и Петя то и дело наполняли рюмки гостям, не забывая и своих. Многие хвалили и рыбу и подливку, и даже его превосходительство, большой обжора и знаток в еде, высказал одобрение, чем привел в большой восторг радушную хозяй-

ку. После рыбы разговор сделался громче я оживленнее. И его превосходительство, и обиженный брат Сергей, и полковник, не говоря уже о молодежи, все немножко подпили, покраснелись и были в веселом, добродушном настроении. Никс уже уверял Вавочку, что она красавица и свела его с ума, и не обращал ни малейшего внимания на строгие взоры Тонечки, точно и не ждал вечером доброй порции сцен. Полковник с пафосом говорил брату Сергею, как он любит милых родных, и утешал брата, что он, наверное, к Новому году будет генералом.

– Правда, брат, свое возьмет... Будь покоен!

У многих дам, после рюмки-другой вина, алели щеки и блестели глаза. И Саша Пинегин был в радостно-возбужденном настроении и ласково и нежно разговаривал с Раисой. Женечка и Леночка весело болтали о нарядах, театре и мужчинах. Володя рассказывал глупые анекдоты, и Манечка заливалась, приводя в негодование тетю-уксус, которая, несмотря на несколько рюмок вина, имела все-таки обиженный вид и не без зависти высчитывала, во сколько мог обойтись такой обед и что стоят такие вина. Одна только Катенька капризно молчала, думая о близком ужасе родов, да гимназистка Люба сидела дичком, о чем-то задумавшись, на дальнем конце стола.

Когда после жаркого подали шампанское и разлили по бокалам, разговоры мгновенно смолкли, и в столовой наступила торжественная тишина. Все взоры невольно устремились

на Раису и Сашу Пинегина. И оба они несколько смутились, особенно Раиса, точно в ожидании чего-то мучительного.

Но для чего же и был этот обед?

И Олимпиада Васильевна, торжественная, радостная и взволнованная, поднялась и дрогнувшим голосом произнесла:

– За здоровье невесты и жениха!

Умиленная, со слезами на глазах, Олимпиада Васильевна обняла невесту, осторожно отводя руку с бокалом, чтоб не облить ее платья. Она крепко поцеловала ее, осенила крестом и, отхлебнув шампанского, шепнула:

– Милая... дорогая... Мой Саша так вас любит. Любите и вы моего голубчика!

И она снова притянула к себе Раису и снова трижды поцеловала.

Подошел сын, и повторилась та же трогательная сцена.

Затем все шумно поднялись с мест и поздравляли жениха, невесту и мать. Пили много шампанского и провозглашали тосты. Полковник крикнул: «Горько, горько!» – и Пинегин поцеловал некрасивую, стыдливо зардевшуюся девушку при общих радостных восклицаниях. Под конец обеда его превосходительство произнес маленький спич, в котором, между прочим, сказал, какой честный, славный и добрый Саша Пинегин. Говорил и полковник, говорил и Жорж, говорил и Володя. Во всех этих речах было много самых горячих пожеланий.

Саша Пинегин, несколько опьяневший, слушал все это, благодарил и чувствовал, что где-то, в глубине его души, снова поднимается презрение и к самому себе, и к этим излипаниям. И ему показалось, что его заживо хоронят во всей этой атмосфере лицемерия и пошлости... Он взглянул на короткие, любовно глядевшие на него глаза некрасивой девушки, и в голове пробежала мысль: «Еще не поздно... Можно отказать!»

Но он решительно отогнал от себя шальную мысль, налил шампанского и, обратившись к невесте, сказал:

– За наше счастье, Раиса!

И выпил залпом бокал.

– А где же Люба? Отчего ее нет? – спросил он.

Кто-то сказал, что она не совсем здорова и вышла из-за обеда.

Наконец обед был кончен, и все перешли в гостиную. По просьбе Олимпиады Васильевны, слышавшей от сына, что Раиса хорошая музыкантша, она села за фортепиано и стала играть.

Пинегин незаметно вышел из гостиной, прошел в комнату матери, думая, что Люба там. Но ее там не было, а был полковник. Он был сильно навеселе.

– Ну, голубчик Саша, и умница же ты, – заговорил он слегка заплетающимся голосом, – я всегда говорил, что ты умен, но все-таки не ожидал этого... Не ожидал. Гениально! И как это ты, шельмец, обработал такую богачку... Небось за-

говорил ее... Ловко!.. Ай да молодчина!

И, хитро подмигивая глазом, полковник продолжал:

– А все-таки, милый, послушай моего совета... Неровен час... Мало ли, друг, что может быть в будущем... ты ведь красивый... и все такое... одним словом, мужчина...

– Какой же совет вы хотите дать, дядя?

– Переведи-ка на свое имя половину состояния. Она, голубушка, добрая... Сейчас видно, на все пойдет... простыня... Я ведь любя, по-родственному советую... Право, переведи... Так-то будет спокойнее... Впрочем, я, быть может, напрасно советую... Ты ведь и сам смекнул, а?..

Пинегин выбежал из комнаты, оставив полковника в недоумении. В коридоре его встретила Люба и, стремительно подбежав к нему, проговорила негодующим голосом:

– Дядя Саша, и вам не стыдно?

И, заглушая рыдания, убежала в комнаты.

IX

В одиннадцатом часу жених и невеста уехали от Олимпиады Васильевны после самых ласковых проводов и сердечных пожеланий. Все родственники наперерыв звали их к себе. Тетушка Антонина Васильевна взяла слово, что они придут к ней обедать во вторник. Дядя Сергей и тетя-уксус выразили надежду, что Саша и Раиса Николаевна навещат и их, и с обычным своим обиженным видом звали в среду вечером на чашку чая в их «скромной обители». А Вавочка объявила, что рассердится, если милая Рая, как уж она породственному называла Раису, не придет с женихом к ней на пирог в пятницу.

– Мой голубчик Гога именинник, – пояснила она. – Вы не знаете, Рая, кто такой Гога? Это мой милый муж, который плавает и скучает без своей Вавочки.

В прихожей подвыпивший полковник с особенной нежностью облобызал племянника и шепнул ему на ухо:

– Не забудь, Саша, что я тебе говорил, родной. Так-то оно лучше!

И, обратившись затем к Раисе, восторженно шепнул ей, подмигивая осолопевшими глазками на Пинегина:

– Добруша ваш Саша, милая Раиса Николаевна! Ах, какой добруша! Простыня человек!

Пинегин молча сидел в карете с Раисой в мрачном и

подавленном настроении человека, еще не справившегося окончательно с совестью. Несмотря на доводы услужливого ума, она все-таки давала о себе знать.

Все эти любезности родственников, которые видимо при-
ветствовали его подлость, как возрождение, этот наивный
восторг захмелевшего дяди-полковника перед умом и лов-
костью племянника вместе с откровенным советом ограбить
Раису, – еще с большей наглядностью оттеняли его позор. А
этот резкий, вырвавшийся из глубины возмущенного серд-
ца упрек, это подавленное рыдание оскорбленной души еще
стояли в его ушах. Во всей компании родственников только
одна пятнадцатилетняя Любочка отнеслась с негодованием
к его женитьбе, и, однако, этот единственный протест испор-
тил Пинегину весь вечер и теперь еще вызывает краску сты-
да на его лице, напоминая снова то, что он хотел бы забыть:
тот обман, каким он приобрел сперва доверие и потом лю-
бовь невесты.

И он все это проделал в течение трех месяцев с начала их
знакомства, когда с мастерством охотника затравливал крот-
кое, доверчивое создание, играя на струнах ее отзывчивого,
благородного сердца и будя в страстной девушке чувстви-
тельные инстинкты. Все это было. И эти горячие речи об идеалах,
о служении ближним. И это возмущение людской подлостью
и игра в благородство. И эти чтения вдвоем... Это тонкое,
ловкое ухаживанье, разговоры о сродстве душ! Сколько лжи
и лицемерия, чтобы влюбить в себя эту некрасивую милли-

онерку и сделаться ее идолом!

Такие, не особенно приятные, воспоминания опять пронеслись в голове молодого человека и омрачили его лицо, но не поколебали принятого решения. Миллионы манили своей обаятельной силой и обещанием счастья, являясь сами по себе красноречивым оправданием подлости. Из-за них стоит ее сделать. Не он, так другой подберется к этим миллионам. И, наконец, мало ли людей женятся так, как он.

«Во Франции это – обычное явление», – почему-то вспомнил Пинегин и по какой-то странной ассоциации идей вдруг подумал, что Бэкон был взяточник...

Да, наконец, ведь он и привязан к Раисе.

Эта мысль внезапно обрадовала молодого человека. Он старался теперь даже убедить себя, что любит эту «милую, кроткую девушку» и что она вовсе уж не так дурна собой, как ему казалось раньше. И все сегодня находили ее симпатичной и восхищались ее глазами. Действительно, прелестные глаза!.. Да, он будет ее любить и сделает ее счастливой, хотя бы из чувства благодарности и за ее любовь и за ее миллионы, благодаря которым он станет независим.

«А какой, однако, мерзавец этот полковник! Что советует? Перевести половину состояния!» – подумал в ту же минуту Пинегин.

И, незаметно для него самого, мысли его остановились на предложении «мерзавца» и на мгновение овладели им. С чувством отвращения поймал он себя на этих мыслях

и взглянул на невесту. Молчать счастливому жениху было неудобно. Надо заговорить.

Раиса сидела, прижавшись в углу кареты, с закрытыми глазами, тоже безмолвная, но безмолвная от полноты счастья, влюбленная и уверенная во взаимности, тронутая ласками родных любимого человека. Добрый! Верно, он хвалил ее им всем!

И она мечтала о близком счастье быть женой и другом этого чудного, благородного Саши, делиться с ним мыслями, жить для добра, для ближних...

– О чем ты задумалась, Раиса? – нежно окликнул ее Пинегин, всматриваясь в ее лицо и пожимая ее руку.

Молодая девушка восторгалась, точно пробужденная от грез.

– Я думала, как я бесконечно счастлива, – промолвила она взволнованным, бесконечно нежным голосом, крепко сжимая руку Пинегина... – И какие твои родные все добрые... И как жизнь хороша!

При этих словах Пинегина охватило чувство смущения и жалости, той мучительной жалости, какая бывает иногда у палача к своей жертве. Охваченный этим чувством, он привлек к себе молодую девушку и стал целовать ее лицо. Вся трепещущая, прижимаясь к Пинегину, Раиса отвечала горячими, страстными поцелуями.

– Милый!..

И, порывисто охватив его голову, она крепко прижала ее

к своей груди.

– Милый... желанный... Если б ты только знал, как я тебя люблю! – шептала она страстным шепотом, и слезы катились из ее глаз.

Хорошо, что молодая девушка не видала в эту минуту лица Пинегина, а то сердце ее забило бы тревогу, – до того физиономия его мало походила на счастливое лицо жениха. Он, правда, добросовестно осыпал поцелуями невесту, но эти поцелуи не возбуждали в нем страсти, не зажигали огня в крови. Он даже морщился, целуя некрасивую девушку, и, найдя, что поцелуев довольно, скоро выпустил ее из своих объятий.

– Так тебе понравились мои родственники? – спросил он минуту спустя, отодвигаясь от Раисы.

– Понравились... Они, верно, добрые.

– Всякие есть между ними, – неопределенно заметил Пинегин.

– Твоя мать – прелесть, сестры – милые, – восторженно говорила Раиса.

– А братья?

– И братья славные.

– У тебя, кажется, все люди – славные, – смеясь сказал Пинегин.

– А разве твои братья не хорошие? – испуганно спросила молодая девушка.

– Самые обыкновенные экземпляры человеческого рода, да я не про них. Я – вообще. Ты обо всех людях судишь по

себе. Золотое у тебя сердце, Раиса! – горячо прибавил Пинегин и подумал: «И совсем ты проста!»

– Какое же тогда оно у тебя? – переспросила Раиса.

– Далеко не такое хорошее, – усмехнулся Пинегин.

– Не клевети на себя, Саша! – горячо воскликнула девушка. – Разве я не вижу, какой ты мягкий и добрый?.. Разве я не читала твоих произведений? Разве я не понимаю твоей правдивости? А вся твоя прошлая жизнь? Твое страдание за правду?

И про это «страдание за правду», в действительности мало похожее на серьезное страдание, рассказывал девушке Пинегин, представляя злоключения свои в значительно преувеличенном виде, чтобы показаться в глазах Раисы страдальцем. И молодая девушка, совсем мало знавшая людей, конечно всему верила.

Надо сказать правду: Пинегин не испытывал приятных чувств от этих восторженных похвал невесты. В самом деле, не особенно весело слушать дифирамбы человека, которого вы собираетесь зарезать. К тому же теперь, когда эта девушка была совсем в его власти, следовало несколько отрезвить ее и от восторгов к нему и от многих странных идей.

Не для того же женится он, чтобы в самом деле раздать богатство и жить в шалаше с немилкой женой. А она как будто на что-то подобное надеялась.

– Ты, Раиса, заблуждаешься насчет меня, – начал серьезно Пинегин.

Вместо ответа молодая девушка весело усмехнулась.

– Право, заблуждаешься, и это меня тревожит.

– Тревожит? – с испугом спросила она.

– Да, ты по своей доброте считаешь меня гораздо лучшим,

чем я есть.

– Положим даже, что это так. В чем же тут тревога?

– За твое разочарование. Ты убедишься, что я не такое совершенство, каким создали твое воображение и твоя любовь, и...

– Что? – перебила Раиса.

– И разлюбишь меня.

– Я? Тебя разлюбить! Никогда! – воскликнула горячо Раиса. – И ты не совсем знаешь меня: я из тех натур, которые любят раз в жизни, но уж зато навсегда! – прибавила она с какой-то торжественной серьезностью... – Но к чему ты все это говоришь! Разве я не знаю, какой ты хороший? Разве ты способен когда-нибудь обмануть?

Пришлось замолчать. Для нее, влюбленной, этот красивый, кудрявый Пинегин был лучшим человеком в подлунной...

Разговор перешел на другие предметы. Они говорили о будущей жизни, о планах, о том, как они поедут после свадьбы за границу и устроятся потом в Петербурге. Рассказывая о будущих планах, Пинегин, между прочим, заметил, что «богатство обязывает...»

– И стесняет, не правда ли?

– Если не уметь им пользоваться... Раздать все не трудно, но что в том толку? Всякие миллионы – капля в море и серьезно всем не помогут. Надо, следовательно, помочь хоть немногим, но зато существенно...

Пинегин развивал в этом направлении свои взгляды и говорил на этот раз не только красноречиво, но и искренно, и когда кончил, то спросил:

– Разве ты со мной не согласна, Раиса?

Напрасный вопрос! Она на все была согласна и ответила:

– Ты лучше меня знаешь, как надо поступить. К чему ты спрашиваешь?

Пинегин облегченно вздохнул.

– А твоя мать и сестры были за границей? – спросила Раиса.

– Нет.

– Так ты их, Саша, отправь. И вообще... я надеюсь, ты не будешь стесняться... Все, что у меня есть, твое. Не правда ли?.. И ты поможешь своим и кому только захочешь... Помнишь, ты говорил, сколько бедной молодежи... У нас ведь денег много, слишком даже много... Не жалея их... Теперь же возьми сколько нужно... Я тебе дам чековую книжку... Прошу тебя...

– Экая ты добрая, Раиса... Спасибо тебе... В самом деле, матери надо отдохнуть...

– Смешной ты, Саша, – благодаришь. Ведь это обидно. Разве может быть иначе? И, знаешь, я все собиралась тебя

просить и боялась... Эти денежные дела всегда неприятны.

– О чем просить?

– Чтобы ты поскорей взял на себя управление делами. И тетя об этом говорила. Добрая старушка всем заведует и всего боится. А ты – мужчина. Она говорит, что надо тебе доверенность. Так уж ты сделай все это и распорядись всем как знаешь...

– После, после, еще успеем! – отвечал Пинегин, невольно чувствуя смущение.

Карета остановилась у подъезда. Пинегин вышел проводить невесту.

– Зайдешь? – спросила Раиса.

– Прости, голова болит... Этот обед...

– Ну так выпишись хорошенько, Саша.

Они поднялись во второй этаж.

– До завтра? – спросила Раиса, останавливаясь у дверей и протягивая Пинегину руку.

– До завтра.

– Любишь меня, дурнушку? – шепнула Раиса.

– А ты сомневаешься?

– Нет, нет, – радостно проговорила девушка. – Разве ты мог бы обманывать? Господь с тобой!

Пинегин крепко поцеловал невесту и спустился вниз. Швейцар подбострастно распахнул двери и крикнул:

– Подавай!

Пинегин вскочил в карету и велел отвезти его домой.

– Шишгола... а поди ты теперь! – проговорил старик швейцар, захлопнув дверцы, и направился в швейцарскую.

Х

Благодаря знакомому репортеру одной маленькой газетки слух о женитьбе «г. Пинегина, нашего молодого и даровитого беллетриста, на г-же Коноваловой, владеющей несметными богатствами», попал на столбцы газет, и в скором времени Пинегин стал получать ежедневно массу писем от совершенно незнакомых ему людей с поздравлениями, пожеланиями, просьбами о деньгах и с самыми разнообразными деловыми предложениями поместить выгодно капитал. Чего только не предлагали ему! И эксплуатацию плитной ломки в Шлиссельбургском уезде, и участие в мыловаренном заводе, и устройство пароходства, и дешевую покупку имений. Предлагали сделаться пайщиком в различных предприятиях, приобрести виллу в Италии и внести посильную лепту в женский кармелитский монастырь в Бретани. Каких только красноречивых писем не получал Пинегин в течение этих нескольких недель перед свадьбой!

Родственники и знакомые хорошо знали, что после свадьбы Пинегин останется в Петербурге на самое короткое время, чтобы только принять дела от старухи тетки, и затем уедет с женой за границу, и потому многие из них спешили «воспользоваться случаем» и «урвать» с счастливого человека на первых же порах, пока он еще не опомнился от радости. Окончательно было выяснено, что у невесты три миллиона в

благонадежных бумагах на хранении в государственном банке, о чем бухгалтер Жорж навел точные справки в государственном банке через приятеля своего чиновника и сообщил родным. Узнали также, что прииски на Олекме идут отлично и дают до ста тысяч чистого ежегодного дохода, и наконец, дом очищает пятнадцать тысяч. Шутка ли! Такое громадное состояние и в полном распоряжении Пинегина. Есть от чего закружиться голове!!

Володя «урвал» первым. Через два дня после помолвки он зашел утром к брату и после нескольких минут незначающего разговора попросил денег, объясняя, что его донимают долги и что он надеется, что брат выручит его из беды.

– Сколько тебе нужно? – спросил Пинегин.

Володя был в некотором затруднении: сколько спросить? Во-первых, он не знал, есть ли у брата теперь деньги и даст ли он сейчас, или только пообещает. В его голове мелькала цифра пятьсот и несколько пугала своей величиной. «Пожалуй, не даст!» – подумал он, жалея теперь, что прежде относился к брату недружелюбно, и ответил тем неуверенным, робким и несколько униженным голосом, каким обыкновенно люди просят денег:

– Нужно мне, если тебя не затруднит только, рублей триста... Очень нужно! – прибавил Володя, глядя на брата несколько жалобным и растерянным взглядом.

– Об этих пустяках и говорить не стоит. Это я могу сейчас же дать.

Пинегин достал из кармана бумажник и раскрыл его, и Володя тотчас же мысленно пожалел, что «свалял дурака» и спросил так мало. Не без тайной зависти увидел он, что бумажник был туго набит сторублевыми бумажками, только что привезенными самим господином Дюфуром, в знак особого почтения к своему клиенту.

– Вот, возьми пока пятьсот, – проговорил Пинегин, подавая брату пять радужных бумажек, – а потом я еще дам.

Просиявший Володя был решительно тронут великодушием брата. Он крепко пожал ему руку и благодарил его.

И эта благодарность, и несколько умиленное лицо брата приятно щекотали нервы Пинегина.

– Не за что благодарить, Володя... Пустяки... Передай вот и Пете и Женечке от меня по сто рублей... После я больше дам, а пока у меня денег немного... Занял... Понимаешь: расходы большие...

– Еще бы... Вполне понимаю...

– А мамаше скажи, что она может быть спокойна: и приданое Женечке будет, и сама она ни в чем не будет нуждаться... Раиса просила меня об этом... На днях я буду у вас и сам подробно все расскажу мамаше...

Обрадованный Володя спустился вприпрыжку по лестнице, напевая опереточный мотив. Он, не торгуясь, сел на извозчика и первым делом поехал на Большую Морскую к модному ювелиру и купил у него бирюзовое кольцо с маленькими бриллиантами себе на мизинец. Это было, по его мнению,

шикарно. После того он заехал в фруктовую лавку, выбрал корзинку лучших и дорогих фруктов и велел послать своей кузине – вертлявой брюнетке, Манечке. Тут же на Большой Морской он встретил товарища и позвал его завтракать к Кюба. Завтрак был тонкий, и выпито было порядочно. Кутили они весь день и всю ночь, ужинали в загородном ресторане, слушали цыганок, и Володя не жалел денег. Только к двенадцати часам следующего дня он явился домой с измятым лицом, красными глазами и с значительно опустошенным бумажником.

Олимпиада Васильевна пришла в ужас при виде своего любимца.

– Господи!.. Опять?.. Полюбуйся, на кого ты похож! – воскликнула она.

– Не сердитесь, мамаша, – говорил, улыбаясь, Володя, целуя матери руку. – Не на свои кутил, а на Сашины... Добрый Саша... Вот не ожидал, что он настоящий брат...

И он рассказал, как Саша подарил ему пятьсот рублей, «пока только, мамаша», и как велел передать ей, что она не будет ни в чем нуждаться...

– А вот и вам по «Катеньке», тоже пока, – говорил со смехом Володя, передавая деньги брату и сестре. – И приданое обещал тебе, Женечка... У него бумажник полный... Говорит, занял... расходы... А как женится, все закутим на Сашины деньги.

Это сообщение привело Олимпиаду Васильевну в отлич-

ное расположение духа. Добрый Саша. Он не забыл мать. И она заставила Володю, еще не совсем отрезвившегося, несколько раз повторить Сашины слова.

– Он не говорил, сколько именно даст мне?

– Не говорил, но сказал: пусть мамаша не беспокоится...

Она ни в чем не будет нуждаться... Будьте покойны, мамаша... Саша – добрый сын... отличный сын... По всему видно...

XI

Благодаря полковнику весть о подарке и об обещаниях Саши разнеслась по всем кланам, и везде хвалили Сашу. «Он поступает благородно и по-родственному, – говорили родные, надеясь, что никому из своих он не откажет помочь. – Еще бы. Такие миллионы! Кому уж и помочь, как не своим?»

Вскоре после этого известия тетя-уксус говорила после обеда своему мужу:

– Ты сходи к Саше и попроси у него... Ты – родной дядя.

Дядя Сергей мрачно вздохнул.

– Так-таки прямо и проси...

– Ох, откажет, – уныло протянул дядя Сергей.

– Не смеет отказать. Такие деньги сграбастал и – отказать!

Не чужой ты ему. Сходи, Сергей Васильич.

– Сходить-то отчего не сходить, только вряд ли...

– Требуй, объясни, что мы – бедные люди. Не бесчувственный же он в самом деле!.. Антонина, твоя выжига сестрица, уж, верно, у него просила займы без отдачи. Ты-то чего зевать будешь?..

– Не лучше ли попросить брата Николая поговорить с Сашей, а? За глаза как-то деликатней и можно круглее сумму спросить. Что ты на это скажешь, Феоза?

– Что ж, настрой полковника...

– А сколько, ты думаешь, спросить?.. Тысячки две, три?

Феоза Андреевна презрительно поджала губы и с укором покачала головой.

– Ну пять, что ли?

– Как вы глупы, Сергей Васильич, и как мало думаете о будущем, – вспылила Феоза Андреевна. – По крайней мере десять! Надо быть подлецом, чтобы не дать нам десяти тысяч при его миллионах! – мрачно прибавила тетя-уксус.

Супруги стали мечтать об этих десяти тысячах. Если они их получат, то можно отдать их под вторую закладную дома и иметь двенадцать процентов. Это тысяча двести рублей лишнего дохода к двум тысячам жалованья.

– Тогда можно и дачку получше нанять, и обстановку подновить, а то просто срам, какая у нас обивка в гостиной.

– Д-д-да, хорошо бы, – согласился дядя Сергей и прибавил: – Бывает же людям счастье!..

– Да еще каким... Твой-то племянник, если говорить правду, дрянь-то порядочная. Недаром в Архангельскую губернию туряли... Даром не турнут...

– А ты как думаешь, Феоза, он даст?

– Не смеет не дать! – с каким-то закипающим озлоблением прошипела тетя-уксус. – Женится на уроде с миллионами да не дать честным, порядочным близким людям десяти тысяч?! Можно, наконец, и припугнуть голубчика, если он окажется подлецом.

Дядя Сергей удивительно посмотрел на жену.

– Не понимаешь?.. Все вам объясни и в рот положи?.. А

вот как припугнуть: дать понять, что можно и свадьбу расстроить...

– Это как же?

– А так же... Написать анонимное письмо Раисе этой, что жених-то ее обманывает, на деньгах женится... Разве это не правда?..

– Положим, и правда, только ты, Феоза, того... далеко хватила... И не поверит она анонимным письмам: говорят, влюблена, как кошка... А если Саша догадается, кто сочинял, тогда и копейки от него не получишь... Нет, уж ты чересчур проникательна, Феоза... Завралась, матушка!

Подобный же разговор шел и у Бобочки с Катенькой. Начал его чистенький, румяный и миловидный Бобочка, находившийся в весьма меланхолическом расположения духа за десять дней перед двадцатым числом.

– Верно, Саша и тебя не забудет, Катенька? Уж если он Володе дал пятьсот рублей на рестораны, так тебе не грех помочь... Как ты думаешь? Оно было бы недурно иметь кое-что про черный день... Очень бы недурно.

– Предложит, не откажусь, но сама просить ни за что не стану, – решительно заявила Катенька и вся даже покраснела.

– Боже сохрани, просить, унижаться, – поспешил, по обыкновению, вильнуть Бобочка. – Можно бы, знаешь ли, Катенька, как-нибудь в разговоре, при случае, намекнуть о нашем положении. Что стоит помочь сестре при его богат-

стве...

– Но ведь богатство не его.

– Не все ли равно жены или мужа? Да и он будет полным распорядителем, и, конечно, Раиса Николаевна не пожалеет для сестры любимого человека. Было бы очень странно, если бы он ничего тебе не дал. И вдобавок он, кажется, к тебе более всех был всегда расположен?

– А мы-то все как к нему относились?.. И ты сам как его всегда бранил?

– Я не бранил, душа моя, а находил, что он делал большие глупости, не умея нигде пристроиться...

– А теперь поумнел, пристроившись к богатой невесте? – насмешливо кинула Катенька.

– Ты опять не поняла меня, мой друг... Я не стану разбирать, почему он женится – по расчету или нет, – я хочу только сказать, что так или иначе, а у него громадное состояние – вот и все... И помочь сестре он мог бы... А впрочем, если ты находишь в этом что-либо неловкое, я, конечно, с тобой согласен... Делай как знаешь!

Бобочка отлично знал, что слова его произведут надлежащее действие и что Катеньку и без его напоминаний несколько беспокоило то обстоятельство, что Женечке, Володе и Пете он уже дал денег и обещал давать вперед, а о ней даже и не вспомнил в разговоре с братом. Она считала себя оскорбленной тем более, что она одна из всей семьи всегда заступалась за Сашу, когда его начинали бранить. Вероятно, вследствие

этого Катенька с сердцем сказала мужу:

– И намекать не буду... И ни малейшего шага не сделаю... И к ним ездить не стану... А то в самом деле подумают, что я их денег хочу. Ничего я не хочу. Оставь, пожалуйста, меня в покое! – раздраженно прибавила Катенька, готовая плакать от обиды.

Но через два дня горькая обида сменилась радостью. Утром, когда Бобочка был на службе, заехал Саша и сам заговорил, что поможет ей. Раиса настаивает, чтобы он сделал что-нибудь для своих, и он, разумеется, очень рад быть полезным Кате. Он положит на ее имя сорок тысяч в банк и, кроме того, будет давать некоторую сумму ежегодно. Он всегда любил Катю. Катенька расплакалась, обняла брата, горячо благодарила его и Раису и тут же попросила Сашу быть крестным отцом будущего ребенка. Брат с удовольствием согласился. Он чувствовал, что сестра любит его и что миллионы его не играют в глазах ее существенной важности, и это было необыкновенно приятно после всего того, что он видел в эти дни. Они прежде были дружны до выхода ее замуж. Но с мужем они не сошлись и не могли терпеть друг друга, и брат с сестрой виделись редко. Тем не менее он знал, что сестра, несмотря на скверное отношение к нему Бобочки, тепло и участливо относилась к «отщепенцу» и всегда защищала его.

Они задушевно болтали, вспоминали прошлое, прежних общих знакомых. О настоящем оба избегали говорить. Но

под конец Пинегин не выдержал и спросил, глядя в упор на сестру:

– А ты, Катя, как относишься к моей женитьбе?

Катенька, не ожидавшая такого вопроса, сконфузилась и молчала.

– Ведь ты, Саша, все-таки привязан к Раисе, – проговорила наконец она.

– Пожалуй, привязан, как к кроткой, хорошей девушке, но – ты сама знаешь – не люблю ее как женщину...

– Тяжело тебе будет, Саша, – с чувством вымолвила сестра.

Пинегин молча кивнул головой.

– И не разбей ты ее жизни. Раиса тебя боготворит и верит в тебя...

– Постараюсь, – отвечал брат и совсем тихо прибавил: – соблазн был велик, Катя, для подлости... Не устоял... Жить хочется.

Оба примолкли. Да и что было говорить?

XII

За это время у Пинегина перебивало столько посетителей, сколько не бывает, пожалуй, и у министров, и все посетители непременно желали его видеть по важному делу. Молодая, шустрая Анюта, горничная меблированных комнат, в которых жил Пинегин, зарабатывала хорошие деньги. К ней в руки так и сыпались деньги. Ее упрашивали доложить и обещали хорошо поблагодарить, если она скажет, когда Пинегин бывает дома и когда удобнее его застать одного.

Почти все представители многочисленных семей Козыревых и Пинегиных считали долгом посетить теперь человека, который еще недавно считался чуть ли не отверженным. И Никс, и Бобочка, и дяди, и кузены были у него с визитами. Никс предлагал причислить Сашу и манил камер-юнкерством, и несколько раз завтракал с Пинегиным у Кюба, заказывая тонкие блюда. Бобочка, проникнутый чувством благодарности за то, что брат не забыл любимой сестры, старался восстановить с Пинегиным добрые, родственные отношения, и как-то за ужином в ресторане предлагал выпить на брудершафт и, подвыпивший, стал объясняться в любви, объясняя причину прежних «недоразумений». Объявлялись к Пинегину даже, самые отдаленные родственники и родственницы, с которыми он впервые знакомился, и поздравляли его с счастливым событием. Все, словно вороны,

слетались на добычу с какой-то наглой и наивной бесцеремонностью. Приходили знакомые, которых Пинегин давно не видал, бывшие сослуживцы, и, наконец, являлись совсем незнакомые люди – и не нищие, нет! – а прилично одетые люди. И все эти посетители большею частью намекали о деньгах или прямо просили их под теми или иными благовидными предложениями. И сколько было унижения! И Пинегин, сознававший свою подлость, имел утешение видеть ее и в других... Встречаясь с кем-нибудь на улице, он так и ждал, что после первых приветствий у него попросят денег.

Тетя Антонина приезжала занять денег сама. Никс предоставил ей роль просительницы и не желал путаться в эти родственные дела. Он был слишком джентльмен, чтобы ни с того ни с сего обращаться к Пинегину, и «по-джентльменски» только занял у него пятьсот рублей за завтраком, причем так внезапно и небрежно спросил «этот пустяк», что Пинегин торопливо и с любезной готовностью, точно чем-то польщенный, вынул из бумажника и подал Никсу деньги, которые тот положил к себе с таким видом, точно сделал одолжение, что взял их.

Ранним утром явилась однажды тетя Антонина к племяннику и, взволнованная, со слезами на глазах, заговорила о своем положении. У них долги и долги, по которым приходится платить сумасшедшие проценты, и потому тех семи тысяч, которые получает Никс, не хватает. Она обращается к великодушью Саши. Она всегда относилась к нему хорошо

и любила его... Она надеется, что он не откажет в просьбе и даст десять тысяч взаймы, на долгий срок... «Не правда ли?.. Ты ведь, Саша, добрый?»

Эти излияния в чувствах возбуждали в Пинегине невольное презрение и в то же время гаденькое чувство злорадства при виде унижения этой тети-аристократки, которая всегда относилась к нему с презрительной небрежностью. И он, разумеется, не отказал ей, а с изысканной любезностью обещал через неделю доставить эту сумму... Напрасно тетя так волновалась... И пусть она не беспокоится... этим долгом...

Тетя Антонина, с мастерством опытной актрисы, проделала трогательную сцену благодарности, заключив «доброего Сашу» в объятия, и скоро уехала, попросив на прощанье никому не говорить об ее просьбе...

– А то ты ведь знаешь, Саша, пойдут сплетни, пересуды... А я их так боюсь... Ну, до свиданья... Поцелуй за меня милую Раису... Еще раз благодарю тебя...

Вслед за тетей Антониной, по обыкновению бесшумно и незаметно, вошел в комнату Пинегина полковник, заходивший довольно часто в это время к племяннику «на несколько минуток», как он говорил, и предлагавший исполнять всякие Сашины поручения. Он же, случалось, и выпроваживал просителей, терпеливо ожидавших в прихожей, и искренно возмущался, что Саша не приказывает их всех гнать в шею, а напротив, принимает и выслушивает их просьбы. Сам он ничего не просил у племянника и, питая теперь к нему необык-

новенное уважение, и любовь, самым бескорыстным образом защищал его интересы, советуя не очень-то раздавать деньги. Одному дашь, – все пристанут.

– Нет ли каких поручений, Саша? – весело спросил он, поздоровавшись с племянником.

– Никаких нет, дядя.

– Ну, а вчерашние я все исполнил: к портному твоему заходил – обещал завтра принести три пары... Сапожника तो-ропил, чтобы поскорей. Был и у священника – условился на-счет венчания... И с певчими торговался... Дерут, живоде-ры.

– Спасибо вам, дядя.

– Рад Саша, для тебя похлопотать. Стоишь того! – значи-тельно проговорил он. – А я сейчас Антонину у подъезда встретил. Рассказывает, что заезжала звать тебя обедать. Так я и поверил! Что, сколько она у тебя просила?

– Ничего не просила.

Полковник хитро подмигнул глазом: «Дескать, меня не обморочишь!» – и проговорил:

– Секрет так секрет... А только много ты им не давай – все они бездонные бочки: и генерал, и сестра-генеральша, и Леночка... Им что ни дай, все мало... Любят пустить пыль в глаза и аристократов корчить... Дескать, мы – сенаторы и носим двойную фамилию: Кучук-Огановские! Особенно сам он... Воображает, что какой-то там татарин Кучук – очень важное кушанье, а Козыревы и Пинегины – мелюзга! – не

без раздражения говорил полковник, весьма щекотливо оберегавший честь фамилии Козыревых...

И, помолчав с минутой, сказал:

– Вот что, Саша. Был я вчера у брата Сергея. Просит он замолвить перед тобою словечко. Сам не решается. «Саша, говорит, нас не очень-то любит...» Положим, что и так, да разве ты обязан всех любить? – вставил полковник... – Ну, оба они, и брат и Феоза, на судьбу роптали. Жалованье, говорят, небольшое, всего две тысячи, сын пока без места... А если, говорят, уволят в отставку, то пенсия маленькая... Только брат врет, не уволят его в отставку, – я знаю... А все-таки, Саша, он дядя родной, брат твоей матери.

– Сколько же дядя Сергей просит?

– Ну, признаться, Феоза заломила: ежели бы, говорит, Саша дал нам десять тысяч, то мы никогда бы больше не беспокоили его, спокойно прожили бы старость и молили бы за него господа бога...

– Ну, тетя-уксус не очень-то любит бога, – засмеялся Пинегин, – и всегда лазаря поет... Верно, дядя кой-что и припас на черный день?..

– Очень может быть. Они – аккуратные люди... А все дал бы что-нибудь, а то тетя-уксус... сам знаешь, какая дама, – усмехнулся полковник...

– Передайте дяде, что я дам ему три тысячи. Черт с ним!

– И за глаза довольно. С какой стати больше давать? – одобрил полковник. – Матери, сестрам, я понимаю... И в ка-

ком же восторге твоя мать, Саша!.. Вот уж истинно сын наградил мать по-царски!.. Шутка ли: пятьдесят тысяч, да еще за границу посылает! Теперь Олимпиада как сыр в масле катайся... И Катенька в восторге... все тебя благословляют и твою милую Раису Николаевну... А сколько думаешь братьям давать? Много не давай, Саша, все равно в рестораны снесут... Шампанское да лихачи... И то Володя уж без денег... Пятьсот, что ты дал, уж ухнул... Рублей по пятидесяти в месяц если будешь им давать, то за глаза...

Полковник просидел с четверть часа и, пока племянник одевался, рассказал несколько сплетен. Жорж собирается «обломать ноги» Володе за то, что он уж слишком нахально ухаживает за Манечкой. «Недавно она с Володей на тройке ездила. Ловко! А Антонина вчера приехала к Вавочке и закатила ей сцену!»

– При мне дело было. Знатно, брат, поругались! – прибавил полковник с нескрываемым удовольствием.

– За что? – полюбопытствовал Пинегин.

– А все из-за благоверного. Он ведь, знаешь, охотник поферлакурить... Словно петух за дамами бегаёт. «Го-го!» да «го-го!» Ну, и разлетелся третьего дня к Вавочке; конфет три фунта, букет цветов и билет в оперу привез... «Не откажите, говорит, принять, обворожительная Вавочка!» А сам, знаешь ли, шельма, по-родственному ей ручки целует и все норовит повыше пульсика, петух-то наш... Хе-хе-хе! А Антонина узнала как-то (тут полковник умолчал, что он же со-

общил ей об этом по секрету) и на следующий день к Вавочке... А я у нее кофе пил... Ну, сперва шпильки, знаешь ли, шпильки, – Антонина на это мастерица, – а потом так и бухнула: «Ты, говорит, кокетка и напрасно святошей представляешься, чужих мужей завлекаешь!» Вавочка, разумеется, в слезы. А Антонина забрала ходу и пошла, и пошла... «Напрасно, говорит, ты воображаешь, что можешь прельстить и что Никс в тебя влюблен. Ты, говорит, жирная перепелка и больше ничего!» Тут уж и Вавочка не выдержала. Слезы вытерла и давай тетку отчитывать с Никсом вместе. «Я, говорит, вашего престарелого супруга не завлекаю и завлекать не желаю... Вовсе и не интересен он для меня со своим большим животом... У меня мой Гога есть, покрасивее вашего влюбчивого муженька... Я, говорит, пусть и перепелка, но зато не подкрашенная общипанная пава, как вы...» И все в этом роде... Та-та-та, та-та-та... Потеха! Так и расплевались! – заключил весело полковник и простился с племянником.

Выйдя в прихожую, он строго приказал Аниуте всем говорить, что барина дома нет... Однако вскоре после ухода полковника стали являться посетители, и Аннушка докладывала, и Пинегин принимал, выслушивал разные предложения и по большей части отказывал в просьбах.

Много ходило к нему теперь народа. Только люди того небольшого кружка, где прежде бывал Пинегин, не показывались к нему, и никто из них не просил денег. А с какой

радостью он дал бы и с каким нетерпением злорадства он ждал этих просьб! Но эти знакомые словно в воду канули, и при случайных встречах с ними на улице Пинегин невольно конфузился и старался обходить их. Завидя однажды Ольгу Николаевну, ту самую хорошенькую барышню, которая ему нравилась, он торопливо вошел в первый попавшийся магазин, чтобы только не встретиться с нею и не увидеть презрительного взгляда ее серых живых глаз. Он уже слышал от одной своей кузины, знакомой Ольги Николаевны, с какой гримасой она выслушала весть об его женитьбе. Даже и бывший его близкий приятель, бедняк литератор Угрюмов, заходивший прежде довольно часто к Пинегину и перехватывавший у него иногда по два, три рубля до получки аванса или гонорара, и тот не показывался.

Пинегин наконец не выдержал и сам пошел к нему.

И это невольное смущение Угрюмова, и его особенная преувеличенная любезность ясно показывали в чем дело. Но Пинегин, и сам сконфуженный приемом, тем не менее сделал попытку предложить денег, искренно желая помочь этому талантливому литератору, которого уважал и любил.

После нескольких минут неклеившегося разговора Пинегин робко, словно виновный, проговорил:

- Я теперь богат, могу располагать большими деньгами... Вы, вероятно, слышали... я женюсь на богатой девушке...
- Как же, слышал, – ответил Угрюмов и отвел взгляд.
- Возьмите у меня сколько нужно, поезжайте в Крым, на

Кавказ, за границу, куда хотите. Послушайте! Вам необходимо полечиться и отдохнуть, чтобы потом, без забот о завтрашнем дне, написать давно задуманную вами книгу. Возьмите, прошу вас, – почти молил Пинегин, с жадным вниманием глядя на бледное, больное лицо молодого литератора.

Угрюмов очень благодарил, но отказался.

– Мне теперь не нужно, совсем не нужно, – говорил он торопливо и смущенно. – Я получил хорошую работу.

Пинегин видел, что Угрюмов говорил неправду и только щадил его, не объясняя истинной причины отказа, и ушел, хорошо понимая, что отныне между ними все кончено.

– И черт с ним! Пусть умирает, восхищаясь своим донкихотством! – прошептал он со злостью, внезапно охваченный озлоблением против бывшего приятеля и в то же время испытывая чувство позора и унижения.

XIII

В небольшой, ярко освещенной домово́й церкви собрались многочисленные родственники и знакомые, приглашенные на свадьбу Пинегина. Олимпиада Васильевна разослала приглашения решительно всем, кого только знала. В этой толпе сияло несколько звезд и лент, среди фраков блистали военные гвардейские мундиры, и Олимпиада Васильевна с чувством удовлетворения озира́ла гостей, думая про себя, что свадьба очень приличная. Нечего и говорить, что бесчисленные представительницы родственных кланов явились на семейное торжество в полном блеске, соревну́я между собой туалетами. Вавочка, еще не примирившаяся с тетей Антониной, сшила к свадьбе новое роскошное платье, заплатив за него большие деньги, чтобы сохранить за собою репутацию самой элeгантной из родственниц и «утереть нос» тете-аристократке. Но и Антонина Васильевна недаром же заняла у племянника деньги. И она и Леночка были в блестящих туалетах, возбудивших завистливый шепот и замечание тети-уксуса: «На что Сашины денежки-то идут!» Тетя Антонина прошла мимо Вавочки, не обменявшись даже поклоном и презрительно сощу́рив глаза, но обе дамы нет-нет да украдкой оглядывали костюмы друг друга с самым серьезным вниманием, стараясь открыть какой-нибудь недостаток в туалетах. И вдруг румяное, свежее и сияющее лицо Вавоч-

ки, затянутой до последней возможности, чтоб не быть похожей на откормленную перепелку, осветилось торжествующей улыбкой, и она шепнула Женечке, но так, что Антонина могла слышать: «Погляди... какие складки у рукавов... а думала поразить!...»

Певчие грянули радостный хор. Разговоры смолкли. Все взоры обратились на двери.

Под руку с его превосходительством Никсом, необыкновенно представительным и молодежавым в своем шитом мундире, с синей лентой через плечо и двумя звездами на груди, шла невеста. Ее маленькая, коренастая, неуклюжая фигурка казалась еще некрасивее в подвенечном платье. Смущенная многолюдством и точно чувствовавшая свою некрасивость в этих любопытных, но равнодушных взглядах, устремленных на нее, она шла, опустив голову, стараясь не смотреть на толпу, и облегченно и радостно вздохнула, когда у аналоя рядом с ней стал Пинегин, красивый, свежий и несколько возбужденный. Она внезапно просветлела. Они обменялись рукопожатиями. Пинегин что-то шепнул невесте на ухо, и она радостно улыбнулась.

Началась служба. Раиса была серьезна и сосредоточенна и по временам осеняла себя крестным знаменем. Пинегин был видимо взволнован... Среди присутствующих обращала на себя внимание высокая, строгого вида старуха, очень просто одетая, которая горячо молилась коленопреклоненная. Это была тетка Раисы, сестра ее покойной матери, единственное близкое и любящее Раису существо в этой многолюдной толпе. Умная, деловитая, хотя едва знавшая грамоте сибирячка, она не доверяла Пинегину и не верила его любви к Раисе, но, обожая племянницу, молчала, видя, как она лю-

бит своего избранника, и понимая, что спорить бесполезно. Она надеялась, что Пинегин, хотя из чувства благодарности, не погубит жизни ее любимицы.

Обряд венчания кончен. Молодые обменялись поцелуем. Начались поздравления.

Из церкви все гости отправились в большую квартиру Раисы, где молодые должны были прожить неделю-другую до отъезда за границу. В этой квартире жил прежде сам Коновалов, отделавший свое помещение с кричащей роскошью. Снова поздравляли молодых. Шампанское лилось рекой. Масса дорогих фруктов, конфет, цветов, бонбоньерок... Родственники только восхищались, завидуя и этой роскоши обстановки, с картинами, бронзой, изящными вещами, и обильному угощению, и называли Сашу счастливецем. Дамы уходили из гостиной и осматривали спальню молодых, недавно отделанную по настоянию Олимпиады Васильевны. Находили, что гнездышко очаровательное.

Наконец в двенадцатом часу все разъехались. Старуха тетка давно уже ушла в свою комнату, и молодые остались одни.

«Господи! Как она некрасива!» – думал Пинегин, глядя на это скуластое, широкое лицо, на эту неуклюжую фигуру... А она смотрела на мужа кротким, любящим взглядом своих прекрасных глаз, счастливая и смущенная...

И Пинегин привлек ее в объятия, говоря о своем счастье, о своей любви...